

Наследство рода Болейн

Автор:

Филиппа Грегори

Наследство рода Болейн

Филиппа Грегори

Тюдоры #4

Нет покоя голове, увенчанной короной, сказал Шекспир. Разве что сложить голову на плахе, и это не было редкостью в жестоком веке, когда Англией правил Генрих VIII. Подобно злой звезде, он притягивал и губил тех, кто волей или неволей оказывался в его окружении. Не избежала страшной участи и коронованная избранница монарха Анна Болейн. Казнив ее, Генрих женится на Анне Клевской, чей портрет кисти Гольбейна очаровал его. Увы, чаяния короля, мечтавшего о семейном счастье, снова не сбылись, и попавшей в немилость молодой королеве приходится быть очень осторожной: при дворе одно невпадание сказанное слово может стоить жизни... Меж тем юная фрейлина Екатерина Говард напропалую кокетничает с всемогущим монархом, упиваясь сознанием того, что она прекрасна и все мужчины на свете желают ее. Ей невдомек, что красота ее служит разменной монетой в руках тех, кто умело втирается в доверие ради собственной выгоды, как это делает интриганка Джейн Рочфорд. Но ни изворотливый ум, ни женские чары не могут противостоять воле безжалостного и непредсказуемого короля Англии.

Филиппа Грегори

Наследство рода Болейн

Philippa Gregory

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd. under the title:

THE BOLEYN INHERITANCE

Copyright © Philippa Gregory Ltd. 2006

All rights reserved

© О. Бухина, Г. Гимон, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Энтони

Джейн Болейн

Бликлинг-холл, Норфолк, июль 1539 года

Ну и жара! Только знойный ветер носится над полями и болотами, распространяя миазмы лихорадки. Был бы жив муженек, не сидели бы мы в такую погоду на одном месте, поглядывая на свинцово-серые рассветы и кроваво-красные закаты. Нет, мы бы путешествовали с королевским двором по

поросшим лесом пустошам и равнинам Гемпшира и Суссекса – не найдешь в Англии земель богаче и краше. Скакали бы верхом по холмистым дорогам, стараясь первыми увидеть между зелеными ветвями проблеск морской глади. Охотились бы каждое утро, обедали под тенистыми сводами вековых деревьев, а по вечерам, в желтом свете посверкивающих факелов, танцевали бы в парадных залах загородных домов. Самые знатные семьи страны искали бы нашей дружбы, мы – фавориты короля, родственники королевы. Все бы нас любили, ведь мы Болейны – самое блестящее и утонченное семейство Англии. Невозможно смотреть на Джорджа и не желать его, нельзя устоять против Анны, и даже передо мной заискивают, надеясь добиться их внимания. Черноглазый, с темными густыми волосами, ослепительно красивый, на самом лучшем коне, Джордж всегда рядом с королевой. Красота и ум Анны – колдовская прелесть темного меда – затмевают все. И я неподалеку.

Лошади мчатся рядышком, шея к шее, голова к голове, брат и сестра скачут, словно пара любовников. Пронесются мимо, и даже грохот копыт не заглушает воркующего смеха. Гляжу на них, таких богатых, юных и прекрасных, и просто ума не приложу, кого люблю больше.

Весь двор, казалось, сошел с ума, влюбленный в этих двоих, очарованный темными болейновскими глазами, головокружительным образом жизни брата и сестры. Они и впрямь игроки, любители риска, страстные реформаторы церкви, хитроумные, быстрые спорщики, читатели рискованных книг, смело рассуждающие обо всем на свете. Эта парочка любому вскружит голову, от короля до последней посудомойки. И теперь, три года спустя, я все еще не могу поверить, что никогда их больше не увижу. Не могли же они, такие молодые, столь полные жизни, умереть? В моей памяти, у меня перед глазами, они все еще скачут рядышком, юные и прекрасные. Как же мне хочется, чтобы видение обернулось правдой! Только три года прошло с тех пор, как я видела их в последний раз, три года два месяца и десять дней с той минуты, когда его пальцы беззаботно коснулись моих, он улыбнулся и сказал: «День добрый, женушка, пора идти, у меня сегодня много дел». Утро майского дня, турнир скоро начнется. Я знала, что брат с сестрицей в беде, но еще не понимала, что все потеряно.

Теперь совсем другая жизнь, я шагаю каждое утро к деревенскому перекрестку, откуда начинается дорога в Лондон. Там стоит пыльный, в грязи и лишайнике камень, на нем вырезано: «Лондон, 120 миль». Как же далеко, как же это далеко! Каждый день я наклоняюсь и трогаю камень, словно он талисман какой-

то, а потом возвращаюсь в отцовский дом, непереносимо тесный для той, что жила в королевских палатах. Брат с женой держат меня здесь из милости, им до меня никакого дела нет. Еще мне полагается маленькая пенсия, ее выплачивает Томас Кромвель, ростовщик и выскочка, новый закадычный дружок короля. Я, словно бедная соседка, живу в тени роскошного дома, когда-то мне принадлежавшего, – дома Болейнов в одном из наших имений. Живу незаметно, в забвении, вдова без поместья, никому, ни одному мужчине на свете не нужная.

Кто меня захочет, вдову без собственного дома? Я привлекательная женщина, только мне уже под тридцать, и от недовольства судьбой лицо покрылось морщинами. Я – мать, но сын мой неизвестно где; вдова, но на повторное замужество нечего и рассчитывать. Я – наследница ужасного скандала, единственная, кто уцелел из всей злосчастной семейки.

Но во мне жива мечта о том, что в один прекрасный день судьба переменится. Я увижу посланца, одетого в цвета дома Говардов, он протянет мне письмо – письмо от герцога Норфолка, призывающего меня обратно ко двору. Я мечтаю, чтобы для меня снова нашлось дело – прислуживать королеве, распускать сплетни, вынашивать коварные замыслы, вести подобающую искусному придворному бесконечную двойную игру. Герцог Норфолк – отменный мастер интриги, а я – его лучшая ученица. Я мечтаю, чтобы мир опять изменился, перевернулся с головы на ноги, тогда мы окажемся наверху и я вернусь к нормальной жизни. Однажды, когда нам всем грозила смертельная опасность, мне удалось спасти герцога, а теперь он спасет меня. Жаль только, не удалось нам выручить тех двоих, ту парочку, что теперь скачет верхом, смеется и танцует лишь в моем воображении. Еще раз касаюсь придорожного камня и представляю себе посланца – он обязательно появится завтра. Протянет мне бумагу, запечатанную перстнем, – говардовский герб, глубоко вдавленный в красный сургуч.

– Для Джейн Болейн, виконтессы Рочфорд, – объявит он, недоуменно глядя на мое простое платье с запыленным подолом.

– Я возьму письмо. Я и есть Джейн Болейн. Как же долго я ждала! – И вот оно уже в моих грязных пальцах, мое наследство.

Анна,

герцогиня Клевская

Дюрен, Клеве, июль 1539 года

Едва осмеливаюсь вздохнуть. Сижу как колода, на лице застыла улыбка, во все глаза смотрю на художника. Надеюсь, произвожу хорошее впечатление. Открытый взгляд означает искренность, а не нескромность. Взятые займы драгоценности, лучшее, что матери удалось достать, должны показать разборчивому наблюдателю – мы не какие-нибудь нищие, пусть даже брат не может дать за мной порядочное приданое. Король выберет меня за приятную внешность и политические связи. Больше мне нечего предложить. Но он должен выбрать меня. Я твердо решила: он выберет меня. Все годится, лишь бы выбраться отсюда.

Здесь же, в комнате, стараясь не смотреть, как под быстрыми широкими движениями мелка рождается мой портрет, ждет своей очереди сестра. Господи, прости меня, но я молюсь, чтобы король не выбрал ее. Она не меньше меня жаждет вырваться из Клеве, достичь высокого положения, стать королевой Англии. Но ей это не так нужно, как мне. Никому в целом свете это не может быть нужнее, чем мне.

Я не скажу ни одного слова против брата, ни сейчас, ни потом, даже через много лет. Никогда, ни единого слова. Он образцовый сын своей матери, достойный наследник титула герцога Клевского. В последние месяцы жизни моего бедного отца, потерявшего разум, превратившегося в совершенного дурачка, кто, как не брат, запер его в спальне и объявил, что у герцога лихорадка? Именно брат не позволил матери позвать врачей или хотя бы проповедников, чтобы изгнать дьяволов, поселившихся в его больном сознании. Коварно, словно бык, что нападает неторопливо, исподтишка, брат решил: мы должны объявить отца пьяницей, прежде чем позорное пятно сумасшествия ляжет на репутацию семьи. Но с помощью клеветы, объявив отца горьким пьяницей, отказав ему в необходимой помощи, мы еще сможем подняться. Меня достойно выдадут замуж. Сестру достойно выдадут замуж. Сам брат сможет удачно жениться, мы обеспечим будущее семьи, а отец пусть в одиночестве, без всякой помощи сражается с одолевающими его демонами.

Я так и слышу, как отец скулит за дверью спальни – обещает хорошо себя вести, пусть его только выпустят. Слышу спокойный и решительный ответ брата: «Нельзя». Может быть, мы все ошибаемся и брат не менее безумен, чем отец, да и мать тоже? Только я в своем уме, раз немею от ужаса, вспоминая о том, что мы натворили.

С самого раннего детства я подчинялась брату. Он рожден стать герцогом этих земель, укрытых между Маасом и Рейном. Небольшое наследственное имение так хорошо расположено, что все державы Европы ищут нашей дружбы: Франция, Габсбурги испанские и австрийские, император Священной Римской империи, сам папа римский и теперь – Генрих, король Англии. Клеве – ключ к сердцу Европы, немудрено, что герцог Клевский высоко себя ставит, он имеет на это полное право. На самом-то деле он просто мелкий князек, сидящий на дальнем конце стола на великом пиру христианского мира. Но этими мыслями я не делюсь даже с сестрой Амелией, потому что никому полностью не доверяю.

Он управляет нашей матерью по праву своего высокого положения в мире, и она – его лорд-казначей, его мажордом. С ее благословения он распоряжается сестрой и мной, ведь он сын и наследник, а мы только обуза. Его в будущем ждет власть, перед ним открываются широкие возможности, а мы – молодые девушки, в лучшем случае нам уготована роль жены и матери, в худшем – участь старых дев, никому не нужных нахлебниц. Моя старшая сестра Сибилла уже спаслась, она покинула дом, как только смогла, как только была устроена ее свадьба, теперь она свободна от деспотизма братской заботы. Я должна стать следующей. Я буду свободной. Они не допустят такой бессмысленной жестокости, не поставят Амелию на мое место. Ее время придет, у нее тоже будет шанс. Но я следующая по старшинству, теперь моя очередь. Я даже не понимаю, зачем вообще предлагать Амелию, разве чтобы принудить меня к еще большей покорности? Если так, план сработал. Я в ужасе: мне могут предпочесть девушку помоложе, и брат допустит такую несправедливость. Сказать по правде, он пренебрежет даже своими интересами, лишь бы меня помучить.

Мой брат – жалкий герцог, во всяком смысле слова. Когда умер отец, так и не уговорив никого отпереть двери, брат занял его место, но разве их можно сравнивать? Отец – человек мира, он бывал при дворах Франции и Испании, путешествовал по Европе. Брат сидит дома, он уверен – в мире нет ничего лучше его собственного герцогства. Нет более великой книги, чем Библия, нет более красивой церкви, чем наша с голыми стенами, нет лучшего советчика, чем собственная совесть. Герцогский двор невелик, тем тяжелее немногочисленным

слугам. Наследство мало, а главная забота брата – тешить собственную гордость. Мне гордости не хватает, и его высокое положение всей тяжестью давит на меня. Когда он доволен или пьян, зовет меня самой непокорной из своих подданных и треплет тяжелой рукой по плечу, когда же трезв или сердит, кричит, что девчонка должна знать свое место, и грозит запереть покрепче.

В Клеве это не пустая угроза. Этот человек запер собственного отца. Разве он не способен проделать то же самое с сестрой? И что толку рыдать за дверью – никто не придет на помощь.

Мастер Гольбейн коротким кивком велел мне встать, а сестре сесть на мое место. Мне запретили смотреть на портрет. Мы не увидим, что он посылает королю Англии. Он здесь не затем, чтобы льстить или делать из нас красавиц. Просто в меру своего таланта он должен набросать точный образ, и пусть король Англии сам выбирает, которая ему больше нравится, словно мы фландрские кобылы и нас отправляют к племенному жеребцу.

Сестра заторопилась на свое место, мастер Гольбейн взял чистый лист бумаги, проверил кончик пастельного мелка. Мастер Гольбейн видел нас всех, всех кандидаток на место королевы Англии. Он рисовал Кристину Миланскую, Луизу и Анну Гиз, Марию Вандом. Я не первая, чей нос он измерял, сощутив один глаз, держа мелок на расстоянии вытянутой руки. Насколько я знаю, после моей сестры Амелии будет еще одна девушка. По дороге в Англию он может завернуть во Францию, бросить хмурый взгляд еще на одну жеманную девчонку, ухватить сходство, запечатлеть недостатки. И ни к чему чувствовать себя униженной.

– Вам не нравится позировать? Стесняетесь? – спрашивает художник.

Улыбка сползает у меня с лица, он смотрит на модель как на кусок мяса на кухонном столе. Не выдам своих чувств, к чему снабжать шпиона информацией?

– Хочу выйти за него, – только и говорю я.

Он поднимает одну бровь.

– Я всего лишь пишу картины. Лучше открыть сердце послам короля, здесь Николас Уоттон и Ричард Берд. Какой смысл говорить со мной?

Сижу под окном, в парадном платье жарко, тесно, служанки вдвоем едва сумели затянуть тесемки тугого корсажа. Меня освободят, только когда картина будет закончена. Амелия, склонив голову, кокетливо, с сознанием собственной красоты улыбается художнику. Бог не допустит, чтобы она ему понравилась. Он не напишет ее как есть – пухленькой, куда более хорошенькой, чем я. Ей же все равно, ехать или не ехать в Англию. Ах, какое торжество, какой взлет – младшая дочь бедного герцога станет английской королевой! Это возвысит ее, нашу семью, весь народ Клеве. Но мне просто необходимо вырваться отсюда! Я почти в отчаянии.

Раз обещала не смотреть на рисунок, значит не буду. Хотя я всего лишь девчонка, слово свое держу. Вместо этого смотрю в окно, на внутренний двор нашего замка. Из леса доносятся звуки охотничьего рога, решетчатые ворота распахиваются, въезжают охотники, впереди – мой брат. Он поднимает глаза, и я не успеваю отпрянуть. Опять я рассердила его. Не должна я торчать у окна, где каждый может меня увидеть. Хотя он не успел хорошенько меня рассмотреть, чувствую, он заметил, что я туго затянута, квадратный вырез платья низко опущен, хоть муслиновый шарф и прикрывает меня до самого подбородка. Я поежилась от его пристального взгляда. Он рассержен, но не признается в этом. Виду не подаст, что недоволен моим нарядом. Это бы еще можно понять, так нет, начнет сердиться неизвестно на что. В одном я совершенно уверена – сегодня или завтра мать позовет меня к себе в комнату, а он будет стоять за креслом, отвернувшись, или как раз войдет, будто совершенно ни при чем, будто это его вовсе не касается, а мать начнет выговаривать мне тоном глубочайшего неодобрения:

– Анна, я слышала, ты...

А дальше последует что-нибудь, случившееся много дней назад, то, о чем я уже позабыла, а он отложил в памяти до сегодняшнего дня. И я окажусь виновата, возможно, меня даже накажут, и брат ни словом не обмолвится о том, что видел меня в окне, слишком хорошенькую, и в этом-то я только и виновата перед ним.

Когда я была маленькой, отец называл меня своим Falke[1 - Сокол (нем.)], белым соколом, охотничьей птицей холодных северных снежных просторов. Застанет меня за книгами или шитьем, рассмеется и позовет:

– Мой маленький сокол, тебя посадили в клетку? Иди сюда, я дам тебе свободу!

И тогда даже мать не могла удержать меня в классной.

Как бы я хотела, как бы я хотела, чтобы он снова позвал меня!

Мать считает меня душой, а брат – и того хуже, но, если я стану королевой Англии, король сможет доверять мне – я не увлекусь французской модой или итальянскими танцами. Я заслуживаю доверия, король может смело вверить мне свою честь. Я знаю, как важна честь для мужчины, и у меня одно желание – стать хорошей женой и хорошей королевой. И я верю: как ни суров король Англии, он позволит мне сидеть у окна во дворце. Что бы ни говорили о Генрихе, думаю, он честно скажет, в чем я перед ним провинилась. Он не прикажет моей матери побить меня за что-то совершенно другое.

Екатерина

Норфолк-хаус, Ламбет, июль 1539 года

Посмотрим, посмотрим, что у нас тут?

Тоненькая золотая цепочка покойной мамочки – шкатулка для драгоценностей с одной-единственной цепочкой выглядит пустовато, будем надеяться – появятся и другие украшения. Три платья, одно совсем новое. Французское кружево – отец прислал из Кале. С полдюжины лент. А еще у меня есть я, совершенно восхитительная я! Мне четырнадцать, можете себе представить? Четырнадцать! Юная особа, благородного происхождения, небогатая, как ни печально, зато – какое чудо! – влюблена. Бабушка-герцогиня подарит мне что-нибудь на день рождения, непременно подарит. Я ее любимица, она позаботится, чтобы внучка выглядела понаряднее. Может быть, шелк на платье или денег – ленту новую купить. Вечером подружки устроят праздник в мою честь. Время спать, но раздастся условный стук в дверь, и мы бросимся открывать. Я, конечно, начну возражать, будто мне охота праздновать только с девушками, словно я не влюблена по уши во Фрэнсиса Дирэма. Да я весь день провела в мечтах о нем! Скорей бы ночь! Еще пять часов – и я его увижу! Нет! Только что посмотрела на бабушкины французские часы – четыре часа и сорок восемь минут. Сорок семь минут.

Сорок шесть. Сама поражаюсь, меня словно околдовали. Так бы и сидела, глядя на часы. Это будет любовь самая страстная, самая преданная – ведь я способна на необыкновенно глубокие чувства.

Сорок пять. Конечно, я ни за что не выдам своих чувств. Умру от смущения, если признаюсь первая. Или от любви. Только моя лучшая подруга Агнесса Рестволд все знает, но я заставила ее поклясться – она и под страхом смерти не выдаст тайну, а если выдаст, то смерть предательнице. Она говорит – пусть ее повесят, четвертуют, никто не узнает, что я влюблена. Пусть растянут на дыбе, разорвут на куски – она будет молчать. Я еще Маргарите Мортон сказала, она тоже обещала держать язык за зубами – пусть ее бросят в яму к медведям или на костре сожгут, она не вымолвит ни словечка. Это хорошо, одна из них непременно проговорится, и уже к вечеру мой любимый узнает, как он мне нравится.

Я с ним знакома несколько месяцев – полжизни. Раньше мы просто переглядывались, теперь он улыбается и здоровается, а однажды назвал меня по имени. Он придет вместе с другими сегодня ночью. Пусть думает, что влюблен в Джоанну Булмер. Да у нее глаза навывкате, как у лягушки, будь она чуть посуровее с теми, кто ей нравится, на нее никто бы и не взглянул. Но она держит себя очень вольно, так что пока он на меня поглядывает нечасто. Это нечестно. Она старше лет на десять, замужем, но знает, чем привлечь мужчину, а мне многому еще предстоит научиться. Дирэму тоже за двадцать. Все считают меня ребенком, но я далеко не дитя. Я им еще покажу! Мне четырнадцать, это время любви. И я так влюблена во Фрэнсиса Дирэма, что умру, если не увижу его сегодня. Четыре часа сорок минут.

С завтрашнего дня все изменится. Мне исполнилось четырнадцать, и теперь, конечно, все будет по-другому. Я точно знаю. Надену новый французский чепец, скажу Фрэнсису Дирэму – мне уже четырнадцать. Пусть видит – я стала настоящей женщиной, взрослой, опытной. Посмотрим, долго ли он будет торчать возле лупоглазой старухи, когда достаточно три шага пройти, чтобы оказаться в моей постели.

Это правда – я уже была влюблена, но к Генри Мэноксу я ничего подобного не испытывала. Он лжец, если утверждает, что я его любила так же сильно. Генри Мэнокс годится для деревенской девчонки, разыгрывающей невинность, ничего не понимающей ни в поцелуях, ни в объятиях. Первый поцелуй мне даже не

понравился, я умоляла его перестать, а уж когда он мне под юбку залез, вообще подняла крик. Мне было только одиннадцать, я ничего не понимала. Зато теперь я знаю, что может понравиться взрослой женщине. Три года в девичьей спальне научили меня всем уловкам флирта. Теперь я знаю, что мужчине нужно и когда можно пококотничать, а когда пора остановиться.

Доброе имя – мое единственное приданое. Бабушка не устает повторять – другого у тебя нет. Злобная старая кошка! Никто не посмеет сказать, что Екатерина Говард забыла свой долг перед семьей. Я уже не ребенок. Генри Мэнокс набивался ко мне в любовники, когда я была деревенской девчонкой, почти ничего не смыслила, никого не видела, во всяком случае никого стоящего. Я ему чуть не отдалась – он неделями меня улещивал и запугивал и в конце концов сам отступился, испугался, что застукают. Что бы о нас подумали, все-таки ему уже двадцать, а мне только одиннадцать. Мы собирались подождать года два. Но я больше не похоронена заживо в Суссексе! В Ламбете сам король в любой день может проехать мимо наших дверей, архиепископ – ближайший сосед, дядюшка Томас Говард, герцог Норфолк, приходит к нам в гости со всей своей свитой, а однажды даже вспомнил, как меня зовут. Генри Мэнокс – уже пройденный этап. Я больше не та простушка, которую он потихоньку улещивал, уговаривал с ним целоваться и чуть не заставил пойти еще дальше. Теперь я выше этого. Я – Говард, и меня ждет большое будущее.

Одно меня тревожит. В моем возрасте уже пора отправляться ко двору, мое место при королеве, я же Говард – но у нас нет королевы! Королева Джейн умерла в родах – мне кажется, можно было постараться выжить, а так получается, что фрейлины теперь ни к чему. Так неудачно! Нет девушки несчастнее меня – мне стукнуло четырнадцать, я живу в Лондоне, а королева возьми и умри, теперь двор на годы погрузился в траур. Иногда мне кажется – весь мир против меня в заговоре. Неужели мне суждено жить и умереть старой девой?

Какой смысл быть красавицей, если этого никто не видит, если никто из придворных меня даже не знает? Сегодня же с тоски утопилась бы в Темзе, кабы не мой сладчайший, прекраснейший возлюбленный – Фрэнсис, Фрэнсис, Фрэнсис!

Он – моя последняя надежда. А ведь я могу выиграть весь мир! Зачем же всеведущему и всемогущему Богу было создавать меня такой красоткой, если не для великого будущего? У Него ведь есть план? Нет, Он в премудрости Своей не оставит меня пропадать в Ламбете.

Джейн Болейн

Бликлинг-холл, Норфолк, ноябрь 1539 года

Наконец оно пришло, теперь, когда дни стали короче и я с ужасом готовилась еще к одной зиме в деревне. Оно пришло, долгожданное письмо. Кажется, я его ждала целую вечность. Теперь жизнь начнется снова. Вернусь к ярко горящим свечам дорогого воска, теплу жаровни, полной угля, в круг друзей и соперников, к музыке, вкусной еде и танцам. Благодарение Богу, меня вызывают обратно, я снова окажусь при дворе, буду прислуживать новой владычице. Герцог, мой учитель и покровитель, опять нашел мне место при опочивальне королевы. Буду прислуживать новой королеве Англии. Буду служить Анне Английской.

Имя звучит в ушах набатным колоколом: королева Анна, еще одна королева Анна. Уж верно и советники короля, обсуждая новый брак, не раз вздрагивали от этих слов, не раз их мороз по коже пробирал. Не забыли же они, сколько несчастий на нас всех навлекла первая Анна. Бесчестье королю, пагуба всему семейству, а мне – потеря всего на свете. Как забыть мои страдания! Но нет, похоже, мертвая королева давно уже исчезла из памяти. Вот уже появилась новая королева Анна, другая Анна, а моя королева Анна, сестрица, обожаемая подруга, мучительница, стала туманным воспоминанием, да и то лишь моим. Порой мне кажется, что на всю страну я единственная, кто ее еще помнит. Порой мне кажется, что на всем белом свете я одна, кого еще волнует прошлое, я последняя, на ком лежит проклятие памяти.

Она мне нередко снится. Во сне всегда такая же молодая, смеющаяся, беспечная, озабоченная только чередой бесконечных удовольствий. Чепец сдвинут на затылок, из-под него выбиваются черные пряди, рукава длинные, по последней моде, слова произносит подчеркнуто на французский манер. Подвеска в форме буквы «Б» на шее гордо провозглашает: королева Англии – истинная Болейн. Мне снится, что мы в залитом солнцем саду, Джордж весел и счастлив, мы сидим рядом, держась за руки, а Анна улыбается нам обоим. Мне снится, что мы скоро станем богаче всех на свете, у нас будут поместья, замки и земли. Дома наши построят из камня разрушенных аббатств, расплавят кресты нам на украшения. Будем есть рыбу из монастырских прудов, наши гончие понесутся по монастырским землям. Аббаты и приоры отдадут нам свои жилища.

Вся страна станет служить нашей славе, богатству и увеселениям. И в этот самый момент я просыпаюсь и лежу в темноте, трясясь от страха. Сон – сплошное величие, а наяву – леденящий ужас.

Хватит предаваться мечтам! Я снова заживу при дворе как ближайшая подруга королевы, ее постоянная наперсница. Все буду видеть, все знать! Снова окажусь в центре жизни, придворная дама новой королевы Анны. Стану ей верно прислуживать – не хуже, чем трем другим английским королевам, женам Генриха. Если он осмелился жениться снова, не побоялся призраков былого, чего страшиться мне?

А еще буду служить моему родичу, дядюшке покойного мужа, герцогу Норфолку, Томасу Говарду, величайшему человеку в Англии, если, конечно, не считать короля. Вояке, знаменитому внезапными жестокими атаками и быстрыми походными маршами. Придворному, не подвластному никаким веяниям, всегда стоящему на страже интересов короля, собственного семейства и себя самого. Человеку таких благородных кровей, что у него не меньше прав на престол, чем у любого из Тюдоров. Он мой родич и покровитель, мой господин. Он уже спас меня однажды от неминуемой смерти, научил, что делать и что говорить. Подхватил меня, когда я споткнулась, провел сквозь тени Тауэра, вывел к свету. С тех пор я ему предана до гроба. Он знает – я целиком принадлежу ему. И у него нашлась для меня работенка, теперь я смогу заплатить свой должок.

Анна

Клеве, ноябрь 1539 года

Получилось! Я выиграла! Буду английской королевой. Амелия прижимает платок к глазам, она простужена, но делает вид, что плачет о моем отъезде. Маленькая лгунья! Она совершенно не расстроится, когда я уеду. Ей же лучше – останется единственной герцогиней в Клеве, это гораздо приятнее, чем быть при мне младшей сестренкой. А когда я выйду замуж – ах, что за брак! – ее шансы на удачный союз значительно повысятся. Мать тоже не выглядит особенно счастливой, но ее тревога совершенно искренна. Хотелось бы думать – она не хочет расставаться со мной, но дело не в этом. Ее беспокоит, сколько денег из казны моего брата придется заплатить за путешествие и за свадебные наряды.

Она его казначей, его домоправительница, и, хотя Англия не требует приданого, эта свадьба обойдется дороже, чем хотелось бы моей матери.

– Даже если герольдам не надо платить, их надо кормить, – раздраженно ворчит она.

Как будто герольды – дорогая, редкая игрушка, на которой я настаиваю из тщеславия. Сибилла, одолжившая нам герольдов, откровенно написала мне – ее репутация в Саксонии будет подпорчена, если я отправлюсь к одному из величайших монархов Европы только что не в телеге и всего с парочкой стражников.

Брат все больше помалкивает. Это его величайший триумф, громадный шаг для герцогства вперед, в мир. Он в союзе с остальными протестантскими герцогами и принцами Германии, все они надеются – этот брак побудит Англию присоединиться к ним. Если протестантские державы объединятся, то смогут атаковать Францию или земли Габсбургов, принести туда реформу. Они смогут и до Рима дойти, ограничить влияние папы его собственным городом. Во славу Господу послужит, если я стану хорошей женой мужу, который ни разу еще не был доволен.

– Выполняй свой долг перед Богом так же, как перед супругом, – напыщенно заявляет брат.

Что именно он имеет в виду? Я жду продолжения.

– Его религия идет от жен. Женился на испанской принцессе, и сам папа назвал его защитником веры. Леди Анна Болейн привела его от суеверия к свету реформы. С королевой Джейн он вернулся к католичеству, и, не умри она, он бы помирился с папой. Теперь, хоть он и не друг папе, Франция остается почти католической. В любой момент он снова может стать настоящим католиком. Но если ты поведешь его куда должно, он объявит себя протестантским королем и объединится с нами.

– Постараюсь, – неуверенно говорю я. – Но мне только двадцать четыре, а ему сорок восемь, и он стал королем еще в юности. Он может меня не послушаться.

– Знаю, ты исполнишь свой долг.

Брат сам себя уговаривает, но чем ближе мой отъезд, тем больше у него появляется сомнений.

– А ты за нее не боишься? – тихонько спрашивает мать.

Брат сидит за вечерним бокалом вина и смотрит в огонь, будто пытается прочесть там будущее без меня.

– Будет хорошо себя вести, ничего с ней не случится. Но бог его знает, он привык ни в чем себе не отказывать.

– Ты о его женах? – шепотом спрашивает мать.

Вильгельм пожимает плечами:

– Она никогда не даст ему повода для сомнений.

– Надо ее предупредить. Он властен над ее жизнью и смертью. Он может сделать с ней что угодно.

Я прячусь в глубине комнаты, последнее замечание брата вызывает у меня улыбку. Он сам себя разоблачил, наконец я поняла, что тревожило его все эти последние месяцы. Ему будет меня не хватать. Он будет скучать по мне, как хозяин скучает по ленивой собаке, которую утопил в припадке гнева. Он привык придирается ко мне, выискивать ошибки, мучить меня по мелочам десять раз на дню, и теперь, когда другой человек получает надо мной власть, ему досадно. Если он хотя бы любил меня – ревность можно понять. Но его чувство ко мне – не любовь. Больше похоже на застарелую ненависть, настолько ставшую привычкой, что мысль вырвать меня, как больной зуб, не приносит облегчения.

– Может, в Англии от нее будет толк, – цедит брат. – Здесь она совершенно бесполезна. Пусть приведет его к истинной вере. Пусть король объявит себя лютеранином. Если, конечно, она не испортит дело.

– Да что она может испортить? – возражает мать. – Всего-то и нужно – родить ему ребенка. Дело нехитрое. Здоровье у нее в порядке, месячные приходят регулярно, двадцать четыре – подходящий возраст.

Мать на минуту задумывается, потом беспристрастно продолжает:

– Он захочет ее. Она хорошо сложена, умеет себя держать, я за этим проследила. Он похотлив, не раз уже влюблялся с первого взгляда. Поначалу он, возможно, получит от нее немало удовольствия, хотя бы потому, что она будет для него в новинку, к тому же девственница.

Брат вскакивает на ноги. Щеки у него пылают не только от огня.

– Стыд и позор! – кричит он.

Все вокруг замолкают, поспешно отворачиваются, стараясь не встречаться с ним взглядом. Тихонько поднимаюсь со скамеечки и отхожу вглубь комнаты. Когда брат начинает гневаться, лучше исчезнуть.

– Сын, я не имела в виду ничего дурного. – Мать старается его успокоить. – Я просто хотела сказать – она и долг свой выполнит, и мужа ублажит.

– Мне невыносима сама мысль... – Голос брата прерывается. – Это невозможно, она не должна соблазнять его. Ничего нецеломудренного, никакого разврата. Внушите ей – она прежде всего моя сестра и ваша дочь, а потом уж жена. Пусть держит себя холодно, с достоинством. Она ему не шлюха какая-нибудь, нечего ей изображать из себя бесстыжую, жадную...

– Нет, конечно нет, она совсем не такая. Вильгельм, дорогой мой сын, ты же знаешь, она воспитана в строгости, в страхе Божьем, в уважении к старшим.

– Еще раз повторить не помешает.

Он опять орет. Ничем его не унять. Лучше тихонько уйти. Он будет вне себя, если заметит, что я видела его таким. Пошарила позади себя, нащупала уютное тепло гобелена на задней стене. Продвигаюсь потихоньку, темное платье почти незаметно в полумраке.

– Я ее видел, когда этот художник был здесь. Тешила свое тщеславие,ставляла себя напоказ. Туго... туго... зашнурована, вся грудь наружу, только бы вожделение вызвать. Матушка, она способна на грех. Она склонна к... Она

склонна к... Она полна... – Он не в силах продолжать.

– Нет, нет, – увещевает мать. – Она для нас старалась.

– Похоти!

Одно-единственное слово падает в тишину комнаты, оно может относиться к кому угодно, скорее к брату, чем ко мне.

Я уже у самых дверей. Тихонько приподнимаю задвижку, придерживаю пальцем, чтобы не щелкнула. Три придворные дамы привычно поднимаются, загораживают мой побег от тех двоих у камина. Дверь открывается, смазанные маслом петли даже не скрипнули, только пламя свечей колыхнулось от сквозняка, но брат и мать, поглощенные друг другом, придавленные ужасным словом, ничего не замечают.

– Ты уверен? – доносится до меня вопрос матери.

Ответа я уже не слышу. Закрываю дверь и быстро иду в нашу комнату. Фрейлины сидят вместе с сестрой у камина и играют в карты. Попытались их спрятать, когда я открыла дверь и шагнула в комнату. Увидев меня, облегченно рассмеялись – их не поймали. Во владениях моего брата азартные игры для незамужних женщин – запрещенное удовольствие.

– Иду спать, голова болит. Не приставайте ко мне, – резко объявляю я.

Амелия понимающе кивнула:

– Давай попробуй. А что ты наделала?

– Ничего. Ничего, как всегда.

Я прохожу в спальню, швыряю платье в сундук в изножье кровати, в одной сорочке забираюсь в постель, задегиваю полог и натягиваю одеяло. Дрожу под холодными простынями и жду приказа, знаю – он вскоре последует.

Всего через несколько минут Амелия открывает дверь и торжественно объявляет:

– Матушка тебя требует.

– Скажи, я заболела. Я уже в постели.

– Я так и сказала. Она велела накинуть плащ и идти. Что же ты наделала?

– Ничего, как всегда, ничего.

Ее лицо сияет. Я неохотно выбираюсь из постели, снимаю плащ с крючка за дверью, завязываю тесемки от подбородка до колен.

– Опять спорила с ним? – ликует Амелия. – Как всегда, не смогла промолчать?

Молча выхожу из притихшей комнаты, спускаюсь в покои матери, они в той же башне этажом ниже.

На первый взгляд она одна, но я замечаю полуоткрытую дверь в спальню, мне не надо его видеть, не надо слышать, я просто знаю – он там, наблюдает.

Мать стоит спиной ко мне, а когда поворачивается, я вижу у нее в руках березовый прут, и лицо ее сурово.

– Я не виновата! – выпаливаю сразу же.

– Дитя, разве это единственный способ войти в комнату? – В голосе звучит раздражение.

Опускаю голову.

– Матушка, – говорю я тихонько.

– Я тобой недовольна.

– Мне очень жаль. Чем я вас огорчила?

– Ты призвана исполнить священный долг, привести своего мужа к реформированной церкви.

Я киваю.

– Тебя ждет великая честь, высокое положение. Ты должна вести себя так, чтобы быть достойной этого.

Бесспорно. Я снова опускаю голову.

– У тебя непокорный нрав.

Опять правда.

Она понижает голос:

– Боюсь, в глубине души ты развратна.

– Неправда, матушка. – Я тоже говорю тихо. – Это не так.

– Так. Король Англии не потерпит развратной жены. На репутации английской королевы не должно быть ни единого пятнышка. Она вне всяких подозрений.

– Матушка, я...

– Анна, подумай! – Ее голос впервые звучит серьезно. – Он казнил леди Анну Болейн за измену, обвинил в том, что грешила с половиной двора, даже с родным братом. Он сделал ее королевой, а потом уничтожил, без каких-либо причин, без повода, просто по собственной прихоти. Обвинил в кровосмешении, колдовстве, самых грязных преступлениях. Следующую королеву не должна коснуться и тень подозрений. Мы не сможем обеспечить твою безопасность, если тебя в чем-нибудь обвинят.

– Матушка...

– Поцелуй розгу, – говорит она, прежде чем я нашлась с ответом.

Касаюсь губами прута. Слышу легкий, совсем легкий вздох из-за двери.

– Держись за сиденье стула, – приказывает мать.

Наклоняюсь, охватываю стул с двух сторон. Деликатно, словно дама, поднимающая носовой платок, она подхватывает подол моего плаща, задирает на бедра, за плащом следует ночная рубашка. Если брату интересно любоваться на мои голые ягодицы – может смотреть, меня выставили напоказ, словно публичную девку. Свист розги, резкая боль. Вскрикиваю, закусываю губу. Бездна гадать, сколько ударов мне предстоит. Стиснув зубы, жду следующего. Свист, еще одна порция боли, словно удар мечом на бесчестной дуэли. Два. Третий удар следует слишком быстро, я не успеваю собраться, снова кричу, и слезы текут быстро, горячо, словно кровь.

– Встань, Анна. – Она спокойно одергивает на мне рубашку и плащ.

Слезы льются, я всхлипываю, как ребенок.

– Ступай в свою комнату и почитай Библию. Особенно подумай о своем королевском достоинстве. Жена Цезаря, Анна, жена Цезаря.

Приседаю в реверансе. Неловкое движение вызывает новую волну боли, я скулю, как побитый щенок. Иду к дверям. Порыв ветра открывает дверь, я не могу ее удержать, дверь в материнскую спальню неожиданно распахивается. Брат там, в тени. Его лицо искажено, словно это он стоял сейчас под розгой, плотно сжатые губы удерживают крик. На один ужасный миг наши глаза встречаются, он смотрит прямо на меня с отчаянной надеждой. Опускаю глаза, отворачиваюсь, словно ничего не заметила, словно ослепла. Чего бы он от меня ни хотел, я не желаю об этом слышать. Спотыкаясь, выбегаю из комнаты, сорочка сзади липкая от крови. Бесполезно, мне никогда не избавиться от этой парочки.

Екатерина

Норфолк-хаус, Ламбет, ноябрь 1539 года

– Ты моя жена.

– Ты мой муж.

Темно, ничего не видно, но и на ощупь понятно – он улыбается.

– Я подарю тебе кольцо, ты сможешь носить его на цепочке, под одеждой.

– А я подарю тебе бархатную шапочку, шитую жемчугом.

Он смеется.

– Бога ради, тише! Не мешайте спать, – сердится кто-то в другом углу спальни.

Может, это Джоанна Булмер? Эти самые поцелуи предназначались ей, а достались мне – моим губам, глазам, ушам, шее, каждой частичке тела. Она потеряла возлюбленного, а я нашла.

– Может, пойти поцеловать ее на ночь?

– Ш-ш-ш, – закрываю ему рот поцелуем.

Нас разморило после любовных игр, простыни сбились, одежда запуталась в клубок, запах его пота, его волос, его тела обволакивает меня. Фрэнсис Дирэм теперь мой, что я говорила?

– Известно ли тебе, что, если мы обещали перед лицом Господа любить друг друга и я дал тебе кольцо, наш союз нерушим, словно венчание в церкви? – Он так серьезно спрашивает.

Я почти сплю. Он гладит мне живот, я крепче прижимаюсь к нему, и снова накатывает желание.

– Да! – Конечно, я имею в виду новые ласки.

Кажется, он не так понял, уж его-то не обвинишь в легкомыслии.

– Ты согласна? Мы поженимся тайно и никогда не расстанемся? А когда мне улыбнется удача, открыто объявим себя мужем и женой?

– Да, да... – Я легонько постанываю от удовольствия и уже не думаю ни о чем, кроме прикосновений его умелых пальцев. – О да!

Утром он успел схватить одежду и удрать раньше, чем бабушкина камеристка торжественно явилась отпирать нашу спальню. Сбежал за минуту до того, как ее тяжелые шаги раздались на лестнице; а вот Эдуард Уолдгрейв замешкался, пришлось ему закатиться под кровать Мэри в надежде, что свисающая до пола простыня его скроет.

– Что за веселье с утра? – подозрительно осведомляется миссис Франкс, пока мы давимся смешками. – Утром смех – днем слезы.

– Это языческое суеверие, – замечает Мэри Ласелль, известная ханжа. – Спросите свою совесть, девушки, есть тут над чем смеяться?

Приняв унылый вид, мы плетемся в часовню на мессу. Фрэнсис уже там – на коленях, прекрасен, как ангел. От одного его взгляда у меня аж сердце переворачивается – какое счастье, мы любим друг друга!

Служба кончается. Все торопятся на завтрак, только я медлю, делаю вид, что завязываю шнурок на ботинке. Он снова опускается на колени, будто погружен в молитву. Священник неторопливо задувает свечи, собирает вещи, ковыляет по проходу. Наконец-то мы одни! Фрэнсис подходит ближе, протягивает руку. Потрясающий, торжественный момент, как в пьесе. Хорошо бы посмотреть на нас со стороны. Увидеть свое серьезное лицо.

– Екатерина, выйдешь за меня?

Какая же я взрослая! Держу в руках собственную судьбу. Ни бабушка, ни отец не устраивали эту свадьбу. Никто обо мне не позаботился, все про меня забыли, заперли в этом доме, как в клетке. Я сама нашла себе мужа, сама выбрала свой путь. Кузина Мария Болейн тоже вышла замуж тайно, ее избранник никому не

нравился, а болейновское наследство досталось ей.

– Да, выйду.

Вот другая кузина, королева Анна, нацелилась на жениха самого высокого полета во всем королевстве, и никто не верил, что у нее получится.

– Да, – отвечаю я твердо.

Правда, я не совсем понимаю, что он имеет в виду. Ну, буду носить его кольцо на цепочке, смогу похвастаться перед подружками, ну, дадим друг другу слово. Он ведет меня по проходу к алтарю. Я растеряна, удивлена, нет у меня особой охоты молиться. Если не поторопимся, опоздаем к завтраку, а я так люблю теплый хлеб, прямо из печи. Вдруг соображаю – это же помолвка. Жалко, что не надела нарядное платье, но теперь уже поздно.

– Я, Фрэнсис Дирэм, беру тебя, Екатерину Говард, в законные жены. – Голос звучит решительно.

Улыбаюсь. Эх, если бы я только надела чепец получше, счастьем моему не было бы предела.

– Теперь твоя очередь, – напоминает он.

– Я, Екатерина Говард, беру тебя, Фрэнсиса Дирэма, в законные мужа, – говорю я покорно.

Наклоняется, целует меня. У меня подгибаются колени, вот бы целоваться с ним вечно! Может, спрятаться на бабушкиной скамье – там перегородки высокие – и еще кое-что себе позволить. Вдруг он отстраняется.

– Ты хоть понимаешь – теперь мы женаты?

– Это и есть свадьба?

– Конечно.

– Но мне всего четырнадцать!

– Какая разница, ты дала слово перед лицом Господа.

Он торжественно извлекает из кармана кошелек.

– Тут сто фунтов, даю тебе на хранение. После Нового года поеду в Ирландию, а вернусь – открыто объявлю тебя своей невестой.

Кошелек увесистый, он скопил для нас целое состояние. Прямо дух захватывает!

– Сбереечь эти деньги?

– Да, как положено доброй женушке.

До чего приятно! Я трясущ кошелек, монеты позвякивают. Можно спрятать деньги в пустую шкатулку.

– Я буду очень хорошей женой, ты даже удивишься.

– Да-да. Ты понимаешь, это законная свадьба перед лицом Господа. Мы теперь муж и жена.

– Конечно! А когда ты разбогатеешь, мы сможем пожениться по-настоящему – с новым роскошным платьем и всем таким прочим.

Фрэнсис хмурится.

– Ты понимаешь, что я говорю? Ты еще молода, Екатерина, но, пожалуйста, постарайся понять. Мы женаты, мы связаны навсегда. Мы не сможем жениться еще раз. Дело сделано. Тайная свадьба в глазах Господа так же законна, как если бы мы подписали договор. Перед Богом и людьми по законам Англии мы женаты. Если спросят – ты моя жена, законная жена. Понимаешь?

– Конечно понимаю, – подтверждаю я поспешно. Не хочется казаться дурочкой. – Я только имела в виду, что хочу новое платье, когда придет пора всем

рассказать.

Он смеется. Разве я сказала что-нибудь смешное? Обнимает, целует в шею, прячет лицо у меня на груди.

– Получишь голубое шелковое платье, миссис Дирэм, – обещает Фрэнсис.

Зажмуриваю глаза от удовольствия.

– Хочу зеленое, это цвет Тюдоров. Королю больше нравятся зеленые платья.

Джейн Болейн

Гринвичский дворец, декабрь 1539 года

Благодарение Богу, я в Гринвиче. Прекраснее дворца у короля нет. Я снова на своем месте, в покоях королевы. В последний раз была здесь сиделкой при Джейн Сеймур, когда та, горя в лихорадке, звала короля, а он так и не пришел. Теперь комнаты заново покрашены, я снова при деле, а ее и след простыл. Я все пережила. Изгнание королевы Екатерины, падение королевы Анны, смерть королевы Джейн. Просто чудо какое-то, что я снова при дворе, одна из тех, к кому благоволят, и немало благоволят. Буду прислуживать новой королеве, как служила ее предшественницам, верно и с любовью, но и о своих интересах не позабуду. Снова стану входить и выходить, когда вздумается, из королевской опочивальни, открывать дверь лучших покоев в красивейшем дворце страны, словно это мой собственный дом. Для того я рождена, для того воспитана.

Иногда мне кажется, я уже позабыла все наши несчастья. Я забываю, что мне тридцать лет, я вдова и сын мой далеко-далеко. Вижу себя молоденькой женой, обожающей мужа, передо мной – прекрасное будущее. Мне удалось вернуться в центр мироздания, не побоюсь сказать – родиться заново.

Король решил обвенчаться на Рождество, и придворные дамы готовятся к торжественным церемониям. Благодаря милорду герцогу я одна из них, вернулась к друзьям и соперникам, которых знаю с детства. Кое-кто меня

встретил кривой ухмылочкой, сомнительным комплиментом, кое-кто косится неодобрительно. Не то чтобы они Анну любили – ее мало кто любил, – но падение королевы их сильно напугало, все помнят – я одна уцелела, просто чудом избежала смерти. Теперь они тайком крестятся, видя меня, и шепотком повторяют старые, полузабытые сплетни.

Бесси Блаунт, в далеком прошлом любовница короля, теперь замужем за лордом Клинтоном – высоко поднялась, ничего не скажешь. Она приветствует меня почти ласково. Мы не виделись с тех пор, как умер ее сынок, Генри Фицрой. Король сделал его герцогом Ричмондским, и за что? Да просто потому, что он королевский бастард. Я наскоро пробормотала какие-то вежливые слова, выразила сочувствие, а она вдруг как схватит меня за руку, как взглянет прямо в глаза, лицо бледное, напряженное, будто спрашивает без слов: а ты знаешь, отчего он умер, скажешь мне, отчего он умер?

Выдавливаю из себя улыбку, стараюсь освободиться от хватких пальцев. Что мне ей ответить, откуда мне знать, да если бы и знала – не сказала бы.

– Мне очень жаль, право же очень жаль, – повторяю снова.

Она, наверное, никогда не получит ответа на вопрос, отчего и как он умер. Сотни матерей провожают сыновей, когда те уходят защищать наши святыни, храмы и монастыри и уже никогда не возвращаются домой. Королю решать, где вера, а где ересь, королю, а не людям. В этом новом, полном опасностей мире даже церковь не имеет веса. Король решает, кому жить, а кому умереть, у него теперь Божья сила. Если Бесси хочется знать, кто убил ее сыночка, пусть лучше спрашивает его отца, короля. Только она не спросит, потому что знает – толку от этого не будет.

Остальные дамы, заметив, что Бесси со мной поздоровалась, поспешили навстречу. Все уже собрались, Сеймуры, Перси, Калпеперы, Невиллы. Самые знатные семейства Англии поспешили запихнуть дочек в избранный круг придворных дам. Многим уже нашептали всякие гадости обо мне, а уж остальное дорисовало воображение. Да мне и дела нет. Завистливая женская злоба – не самое страшное в жизни. Что ни говори, я с большинством из них в родстве, и все мы тут – соперницы. А если кто решится на какие гадости, пусть лучше помнит – мне покровительствует герцог, а с его могуществом может поспорить только Томас Кромвель.

Лишь с одной из них не хочу я встречи, только одной страшусь – Екатерины Кэри, дочери моей противной золовки, Марии Болейн. Конечно, Екатерина еще ребенок, ей только пятнадцать, я ее не боюсь, но, сказать по правде, мамаша – отвратительное чудовище и всегда меня ненавидела. Герцог, мой господин, добился для девчонки места при дворе и приказал матери прислать Екатерину сюда – к источнику власти, источнику богатства. Мария хоть и неохотно, но, как всегда, повиновалась. Остается только воображать, как она, против своей воли, покупает дочке платья и чепцы, учит реверансам и танцам. Мария наблюдала, как благодаря красоте сестры и уму брата семейство вознеслось до небес, но потом она видела, как их тела – головы отдельно – кладут в гробы. Анна, казненная Анна, тело в саване, голова в корзинке, а Джордж, мой Джордж... Даже думать об этом не могу.

Прямо скажем, Мария меня винит во всех их несчастьях, в том, что потеряла брата и сестру. А сама-то она что сделала? Меня обвиняет, будто я могла их спасти, будто я не старалась изо всех сил, до самого последнего дня, до дня эшафота, когда уже никто ничего не смог бы поделать.

Не за что меня винить. Мэри Норрис в тот же день потеряла отца, Генриха Норриса, в тот же день и по той же причине, но меня приветствует с почтительной улыбкой. Нет в ней ненависти ко мне. Она научена матерью, и правильно научена: неудовольствие короля может коснуться всякого, нет смысла обвинять тех, кто выжил, кто уцелел в этом огне.

Екатерине Кэри только пятнадцать, она будет жить в одной комнате с такими же, как она, молоденькими девочками, с нашей общей родственницей Екатериной Говард, с Анной Бассет, Мэри Норрис и другими честолюбивыми девочками. Ничего еще не понимают, но надеются на многое. Я буду их направлять, подсказывать, все-таки я постарше, уже служила другим королевам. Екатерина Кэри не станет шепотком рассказывать своим новым подружкам, как проводила время с королевой Анной в Тауэре, не станет поверять им секреты, вызывать из прошлого тайные сговоры, обещания на пороге эшафота, помилование, которое, несмотря на все клятвенные заверения, так и не пришло. Мы все довели Анну до такого конца, и ее праведница-мать виновата ничуть не меньше остальных. Девчонка носит фамилию Кэри, но на самом деле она Болейн и внебрачная дочь короля, да к тому же истинная Говард – знает, когда держать рот на замке.

Новая королева еще не прибыла, а мы уже обживаемся в королевских покоях. Теперь надо ждать. Погода плохая, ее приезд откладывается, дорога от Клеве до Кале неблизкая. Похоже, вовремя ей сюда не добраться и свадьбы на Рождество не будет. Если бы меня спросили, я бы посоветовала – садись на корабль и плыви. Путь долгий, я знаю, плавать по Ла-Маншу зимой рискованно. Только опаздывать на свадьбу для невесты еще рискованнее, а этот жених – король – ждать не привык. Ему сразу все подавай.

По правде сказать, он уже не тот, что раньше. Когда я впервые попала ко двору, увидела настоящего героя с красавицей-женой, золотого короля. Его считали самым обаятельным властителем во всем христианском мире. Мария Болейн его обожала, Анна его обожала, я его обожала. Ни одна девчонка при дворе, ни одна девчонка в стране не смогла бы перед ним устоять. И он отвернулся от доброй своей супруги, королевы Екатерины. Анна научила его жестокости. Ее придворные, умные, молодые, безжалостные, только и делали, что нападали на королеву, страданиям ее не было конца. Они, они научили короля танцевать в такт нашей еретической музыке. Нам удалось убедить его в том, что королева лжет, мы его обдурили, а он и поверил, что Уолси его предал. А потом и сам уже исполнился подозрениями, рыл глубже и глубже, словно кабан, и управлять им стало не под силу. Он и в нас усомнился. Кромвель убедил его в том, что Анна – изменница, Сеймуры заставили поверить, что мы все заговорщики. В конце концов король потерял не только двух жен, но и перестал доверять кому бы то ни было. Мы научили его подозрительности, и золотое мальчишеское сияние потускнело, а потом пропало. Мы сами раздражили медведя, вот он и взбесился. Теперь-то все его боятся. Принцессе Марии король пригрозил – казнит, если не будет слушаться. Объявил ее незаконной дочерью, больше она не принцесса. Елизавету, нашу, болейновской крови принцессу, племянницу мою, тоже объявил незаконной. Гувернантка рассказывает – у девочки даже одежды приличной нет.

И наконец, Генри Фицрой, сын короля. Сначала обещают в один прекрасный день объявить его законным наследником, принцем Уэльским, а назавтра он умирает от странной болезни, и герцогу приказано его похоронить – тайно, под покровом ночи. Что за человек такой – сын умер, а он даже слова надгробного не произнес? Какой отец может сказать двум маленьким дочкам, что они не его? Такой человек пошлет друзей и жену на эшафот, а сам устроит праздник с танцами.

А худшее еще впереди: священники, повешенные в церквях, добрые люди, отправленные на костер. На севере и на востоке – мятежи. Король клянется – мятежники могут ему доверять, он выслушает их требования. Не проходит и дня, а они уже преданы, эти доверчивые глупцы, тысячи отправлены на эшафот, а милорд герцог, словно мясник, рубит головы своим соотечественникам. За пределами Англии считают, что король сошел с ума, ждут, пока народ окончательно потеряет терпение. Но мы – трусливые собаки у медвежьей берлоги, огрызаемся, а напасть боимся.

Теперь он весел, хотя новая королева и запаздывает. Я еще его не видела, но, говорят, он любезен с придворными дамами. Во время обеда прокрадываюсь в королевские покои поглядеть на портрет – он хранится в комнате для малых приемов. Никого нет, портрет на мольберте ярко освещен большими квадратными свечами. Нечего и говорить, она миленькая. Открытое лицо, красивые глаза, прямой взгляд. Сразу понимаю, что могло ему приглянуться. В лице нет ни капли чувственности, нет загадочного обаяния, такая не станет флиртовать, строить коварные планы и предаваться тайным грехам. В ней нет лоска, утонченности. Выглядит моложе своих двадцати четырех, на мой разборчивый вкус, чуток простовата. Эта уж точно не будет такой королевой, как Анна. Этой и в голову не придет поставить двор и всю страну с ног на голову, заставить всех плясать под свою дудку. Этой не свести человека с ума, не засадить за любовные поэмы. Но королю того и надо – в жизни больше не влюбится в женщину, подобную Анне.

Анна его и впрямь сглазила, испортила и, похоже, навсегда отбила охоту к другим женщинам. Сначала зажгла королевский двор небывалым огнем, а под конец вовсе спалила. У короля брови будто опалены навеки – чудом спасся от пожара. А у меня так вся жизнь – сплошное пепелище. Никогда больше не возьмет он горячую любовницу в жены. А мне вовсе ни к чему этот запах дыма. Ему нужна жена надежная, как вол на пашне, а флирт, очарование и опасность найдутся на стороне.

– Красивая картина, – произносит кто-то у меня за спиной.

Оборачиваюсь, вижу темную шевелюру, длинное, землистого цвета лицо. Дядюшка Томас Говард, герцог Норфолк, величайший человек в Англии, не считая, разумеется, короля.

– Вы совершенно правы. – Сопровождаю ответ глубоким реверансом.

Он кивает, снова глядит на портрет.

– Думаете, похож на оригинал?

– Скоро узнаем, милорд.

– Можете поблагодарить меня за то, что попали в число ее приближенных, – бросает он как бы между прочим. – Я все устроил, почел за необходимость вмешаться лично.

– Благодарю вас покорно. Я у вас по гроб жизни в долгу. Только прикажите, все исполню.

Он опять кивает. Никогда раньше он мне особенно не благоволил, только однажды помог, даже нельзя сказать как, просто вытянул из огня, которым полыхал весь королевский двор. Он жесткий человек, скупой на слова. Говорят, только одну женщину в жизни любил, да и та – Екатерина Арагонская, которая из-за него очутилась в бедности и забвении, а потом и умерла, чтобы он мог посадить на ее трон свою племянницу. Не много в таком случае дашь за его любовь.

– Будешь мне докладывать, как идут дела. – Машет рукой в сторону портрета. – Как, впрочем, всегда делала.

Предлагает мне руку – вести к столу. Я снова приседаю в реверансе, он любит, чтобы ему выказывали почет и уважение. Деликатно, почти не касаясь, принимаю протянутую руку.

– Я хочу знать, понравится ли она королю, с кем разговаривает, как себя ведет, привезла ли лютеранских проповедников. Всякое такое. Сама понимаешь.

Конечно понимаю. Выходим в коридор вместе.

– Она, наверное, захочет повернуть его в свою сторону в смысле религии. Только этого нам не хватало. Новые реформы ни к чему – стране больше не выдержать. Просмотришь ее книги, убедишься, что она не читает ничего запретного. И приглядывай за дамами, вдруг кто-то шпионит, сообщается с Клеве. Если хоть

одна ведет еретические речи, дай знать немедленно. Ну, сама знаешь, что делать.

Я знаю. В нашей семье, широко раскинувшей свои сети, каждый знает, что ему делать. Мы все трудимся на благо процветания семейства Говард, мы все держимся вместе.

Уже слышен из пиршественной залы веселый рев. Мы входим. Слуги разносят огромные кувшины с вином и блюда с мясом, идут один за другим – сотни людей обедают каждый вечер с королем. На галереях устроились те, кто пришел посмотреть на это зрелище, поглазеть на чудовище с сотней ртов и тысячей интриг – королевский двор. Придворные самых благородных кровей двумя сотнями глаз следят за королем – единственным источником богатства, власти и милостей.

– Увидишь, он изменился, – тихонько шепчет мне на ухо герцог. – Теперь его куда труднее ублажить.

Я вспоминаю об избалованном юнце, которого так легко было отвлечь, удачно пошутив или предложив пари.

– Он всегда был капризным.

– Нынче это не просто капризы. Настроение у него портится без всякой причины. Говорит грубости, сердится на Кромвеля, дает ему пощечины, весь багровеет от гнева. В одну минуту все меняется. Порой что за завтраком хорошо, за обедом – хуже некуда. Имей в виду.

Киваю.

– Теперь ему прислуживают, преклонив колена? – удивляюсь я.

– Новая манера, – коротко смеется герцог. – Называют «ваше величество». Плантагенетам хватало «вашей милости». Но этому королю всего мало. Хочет быть величеством, словно он – божество.

– И все к нему так обращаются?

– Сама станешь его так называть. Коли Генриху захотелось стать богом, никто перечить не смеет.

– А лорды? – Я подумала о гордости величайших мужей страны, которые как равного приветствовали отца нашего короля, их верность посадила его на трон.

– Сама увидишь, – звучит угрюмый ответ. – Законы об измене теперь другие, даже подумать о каких-то переменах – преступление, караемое смертью. Никто не осмеливается с ним спорить, а не то в полночный час раздастся стук в дверь. Отправят в Тауэр на допрос – и жена станет вдовой даже раньше, чем дело дойдет до суда.

Я гляжу на главный стол, где сидит король, – тучное, расплывшееся тело на высоком троне. Обеими руками запихнул кусок мяса в рот; никогда еще таких толстых людей не видела: массивные плечи, шея как у вола, заплывшее жиром лицо, круглое, словно луна, разбухшие сосиски пальцев.

– Боже мой, как чудовищно разжирел! – не удержалась я. – Во что превратился! Он что, болен? Я бы его не узнала. Совсем не похож на прежнего красавчика.

– Он очень опасен. – Голос герцога падает до еле слышного шепота. – Опасен для себя самого, если будет продолжать потворствовать любым своим желаниям, и для других – беспричинным гневом. Будь осторожна.

Стараюсь не показать, как потрясена. Подхожу к столу, отведенному придворным дамам новой королевы. Мне оставлено место, остальные дамы здороваются со мной, обращаются по имени, называют кузиной. Маленькие свинячьи глазки короля находят меня в толпе, и, прежде чем усесться на свое место, я опускаюсь в глубоком реверансе. Никто и внимания не обращает на то, что герой превратился в чудовище. Как в страшной сказке, мы все ослеплены и не видим, что в этом борове почти не осталось ничего человеческого.

Я принимаюсь за еду, кладу на тарелку кушанья из общего блюда, в чашу льется отменное вино. Оглядываюсь вокруг. Это королевский двор, мой дом. Почти всех я знаю всю жизнь. Благодаря заботе герцога подрастающее поколение Говардов получает подходящих супругов. Я в родстве с большинством из них. Как и все, служу одной королеве за другой. Как и все, ношу чепцы по моде, установленной очередной королевской возлюбленной. По той же моде и молюсь – мы то

паписты, то реформисты, то английские католики. Кое-как объясняюсь по-испански, болтаю по-французски, а то просто сижу в суровом молчании и шью рубашки для бедных. Мало найдется того, чего бы я не знала об английских королевах, все уже видано-перевидано. Скоро встречусь еще с одной и все про нее выведаю – секреты, надежды, промахи и ошибки. Буду за ней наблюдать и доносить милорду герцогу. Может, снова буду счастлива – несмотря на царящий при дворе страх и раздувшегося короля-тирана, несмотря на то что больше нет у меня ни мужа, ни Анны.

Екатерина

Норфолк-хаус, Ламбет, декабрь 1539 года

Итак, каких подарков ждать на Рождество? От лучшей подруги Агнессы Рестволд – вышитый кошелек, от Мэри Лассель – переписанная страничка из молитвенника (просто в дрожь бросает от такой перспективы) и от бабушки – два носовых платка. Скука смертная! Зато мой обожаемый Фрэнсис подарит вышитую льняную сорочку, а я ему – нарукавную повязку моих цветов. Я ее сама выткала, работала много дней. Приятно, что он так меня любит, конечно, я тоже его люблю, но кольца он мне не купил, хоть и обещал, и крепко держится старого плана – отправиться в Ирландию искать счастья. А мне что прикажете здесь делать одной?

Двор в Гринвиче. Жалко, что не в Уайтхолле, можно было бы хоть посмотреть, как обедает король. Дядя герцог здесь, но нас не приглашает, бабушка однажды была у него на обеде, но меня с собой не взяла. Иногда мне кажется – никогда ничего не произойдет, совсем ничего, так и проживу жизнь подле бабушки и умру старой девой. Мне скоро уже пятнадцать, но никто не думает о моем будущем. Некому обо мне позаботиться. Мама умерла, а отец едва помнит, как меня зовут. Ужасно печально! Мария Ламли выходит замуж в будущем году, она зазналась и выставляется передо мной, как будто мне есть дело до нее и ее прыщавого жениха. Да я не пожелала бы такой партии даже за большие деньги, так я ей и сказала. Конечно, мы поссорились, и теперь не я получу кружевной воротничок, предназначенный мне на Рождество. Ну и пусть, нисколько не жалко.

Королеву уже ждут в Лондоне, но она так ужасно медлит, приезд все откладывается, мои надежды на торжественный въезд в Лондон и чудесную свадьбу рушатся. Судьба против меня! Все сговорились сделать меня несчастной! А я всего лишь хочу потанцевать. Каждый скажет – девушка пятнадцати лет, а мне на будущий год исполнится пятнадцать, имеет право раз в жизни потанцевать!

Конечно, мы устроим танцы на Рождество, но разве это я имею в виду? Какое удовольствие танцевать с теми, кто видит тебя каждый день? Какой смысл в празднике, когда каждого кавалера знаешь как свои пять пальцев? Что за радость, если тобой любитесь твой собственный муж? Он все равно придет к тебе в постель, хорошо ты танцуешь или нет. Я разучила особый пируэт и реверанс, а что толку? Никто не заметил, кроме бабушки, уж она-то все замечает. Подозвала к себе, взяла за подбородок и сказала: «Детка, ни к чему мельтешить, как какая-нибудь из этих итальянских распутниц, мы тебя и так заметим». Как это понять? Не смей танцевать как грациозная, элегантная юная леди, танцуй как малый ребенок?

Молча приседаю в реверансе. С бабушкой невозможно спорить, разозлится – вышлет из комнаты, стоит только рот раскрыть. Как же жестоко со мной обращаются!

– Что это я слышала о тебе и мастере Дирэме? – вдруг спрашивает бабушка. – Кажется, я тебя предупреждала.

– Не знаю, что вы слышали, бабушка.

Правда, умный ответ? Слишком умный, она шлепает меня веером по руке.

– Екатерина Говард, не забывайся! Твой дядя определил тебя к королеве, неужели ты из-за детского флирта не попадешь ко двору?

– К королеве? Я стану фрейлиной? – Все остальное мгновенно вылетает у меня из головы.

– Возможно.

Она меня с ума сведет!

– Королеве понадобятся фрейлины – хорошо воспитанные, известные порядочным поведением.

В отчаянии лепечу:

– Бабушка... я...

– Ладно, не тревожься.

Взмахом руки она отсылает меня назад, к танцующим. Хватаю ее за рукав, умоляю сказать больше, но она только смеется. Танцую теперь, как деревянная кукла, – ровный шаг, прекрасная осанка, будто у меня самой корона на голове. Танцую, как монахиня, как девственная весталка. Поднимаю глаза – оценила она мою скромность? Бабушка только улыбается.

Этой ночью встречаю Фрэнсиса у порога.

– В спальню тебе нельзя, – говорю напрямик. – Бабушка знает о нас. Она напомнила мне, что я должна заботиться о своем добром имени.

Он потрясен.

– Я же люблю тебя!

– Нельзя рисковать, – настаиваю я. – Она слышала больше, чем мы думаем. Один Бог знает, что ей наговорили.

– Нам нельзя отречься друг от друга.

Киваю неуверенно.

– Если спросят, скажи – в глазах Господа мы женаты.

– Да, но...

– Я твой муж и приду к тебе сегодня.

– Нельзя!

Я буду фрейлиной новой королевы! Ничто на свете меня не остановит, даже вечная любовь к Фрэнсису!

Он обнимает меня за талию, целует в затылок.

– Скоро мне отправляться в Ирландию. Неужели ты меня прогонишь? У меня сердце разобьется.

Мне жаль его, но я так хочу стать фрейлиной новой королевы. Это гораздо важнее!

– Не хочется разбивать тебе сердце, но я буду жить при дворе, и кто знает, что там может случиться.

Он резко отталкивает меня.

– Ах вот как? Ты собираешься ко двору? Кокетничать с благородными лордами? С кем-нибудь из твоих знатных родственников? Кого ты выберешь – Калпепера, Моубри, Невилла?

– Пока не знаю. – Просто удивительно, с каким достоинством я держусь. Можно подумать, я – не я, а бабушка. – Не собираюсь обсуждать с тобой планы на будущее.

– Китти! – Он разрывается между гневом и желанием. – Ты моя жена, ты же обещала! Я люблю тебя!

– Придется попросить развод, – отвечаю я высокомерно и захлопываю дверь прямо перед его носом.

Пробегаю через комнату, плюхаюсь в постель.

– Что случилось? – спрашивает Агнесса.

В дальнем конце спальни, за задернутым пологом возится какая-то парочка, слышно, как пыхтит парень и ахает девица.

– Потихше, пожалуйста! – кричу я через всю комнату. – Стыд и позор! Юной девушке вроде меня такое даже слушать не подобает. Просто возмутительно!

Анна

Кале, декабрь 1539 года

В этом долгом путешествии я начала обучаться тому, какой должна быть королева. Милорд король послал ко мне английских дам, мы каждый день разговаривали по-английски. Как только въезжали в очередной город, милорд Саутгемптон оказывался возле меня, советовал и подсказывал в самой любезной манере. Они очень официальные, в высшей мере обладают чувством собственного достоинства. Все должно делаться по четким правилам. Мне приходится скрывать свой восторг, слушая поздравления, музыку, видя толпы народа, стекающегося поглазеть на меня. Не хочу казаться деревенской простушкой, сестрой мелкопоместного герцога, хочу выглядеть настоящей королевой, королевой Англии.

В каждом городе люди толпятся на улицах, мне преподносят букеты и подарки. В большинстве городов вручают верноподданнические послания, кошельки с золотом, драгоценности. Но прибытие в первый английский город, порт Кале, превосходит все. Это гигантский английский замок, вокруг – огромный город, обнесенный стеной, мощно охраняемый, способный противостоять атакам со стороны Франции. А враг – сразу за воротами. Мы въехали через южные ворота, они выходят на дорогу, ведущую во французское королевство, нас приветствовал английский пэр, лорд Лиль, вместе с дюжиной других дворян и вельмож. Все очень нарядно одеты, а с ними еще целая армия людей в алом и зеленом.

Я возблагодарила Бога, что Он послал мне в эти трудные дни лорда Лиля, друга и наставника, королевского придворного, чем-то похожего на моего отца. Без него я бы онемела от ужаса еще больше, чем от незнания английских слов. Одет он по-королевски, а придворные вокруг кажутся целым морем меха и бархата. Он сжал мою холодную руку в своей большой горячей лапище, улыбнулся и сказал: «Мужайтесь!» Может, я и не понимаю без перевода, но друга могу узнать с первого взгляда. Я нашла в себе силы улыбнуться, он предложил мне руку и повел по широкой улице к гавани. Колокола звонили в мою честь, жены торговцев и детишки выстроились вдоль улицы, лишь бы взглянуть на меня, а мальчишки-подмастерья и слуги кричали, когда я проходила мимо: «Анна Клевская, ура!»

В гавани уже ждали два огромных королевских корабля – «Ставка», это, кажется, имеет отношение к азартным играм, и «Лев». Как только я приблизилась, на обоих кораблях взмыли в воздух флаги, зазвучали трубы. Король прислал за мной корабли из Англии, и с ними прибыла громадная флотилия для почетного эскорта. Вокруг стреляли из ружей, гремели пушки, весь город заволокло дымом, шум стоял нестерпимый, но мне оказывали величайшую любезность, так что я улыбалась и старалась не дрожать. Мы направились в Главный зал ратуши, мэр города и купцы выступили с длиннейшими поздравительными речами, поднесли два кошелька с золотом. Леди Лиль пришла вместе с мужем, поздравила меня, а затем познакомила с будущими придворными дамами.

Потом меня проводили в Чекер, королевскую резиденцию. Я просто стояла, а все они, один за другим, подходили, представлялись, поздравляли меня, кланялись или делали реверанс. Я так устала, так переволновалась за этот долгий день, колени у меня подгибались, а они все шли и шли. Миледи Лиль стояла рядом и шептала мне на ухо что-нибудь о каждом, но я ничего не понимала. И правда, как запомнить сразу столько незнакомых лиц? Эта толпа сводила с ума, но все мне улыбались, почтительно кланялись, знаю, я должна радоваться такому вниманию, а не сокрушаться.

Как только все дамы, горничные, слуги, пажи успели мне представиться и стало прилично уйти, я попросила отвести меня в мои покои – отдохнуть перед обедом. Им перевели, но не тут-то было. По дороге еще какие-то странные личности жаждали познакомиться – опять слуги, горничные. Эти представления отняли у меня последние силы, я объявила, что хочу прилечь, но и тут меня не оставили в покое. Леди Лиль и другие придворные дамы вошли вслед за мной в спальню

удостовериться, есть ли у меня все необходимое. Не меньше дюжины дам окружили меня, взбили подушки, расправили занавески. В полном отчаянии я сказала, что хочу помолиться, ушла в маленькую каморку за спальней и захлопнула дверь прямо у них перед носом.

Я слышала, как они шумят, словно зрители, ожидающие шута, – сейчас он выйдет и начнет жонглировать или показывать фокусы. Слегка озадачены отсрочкой, но в общем настроены добродушно. Я отвернулась от двери, прижала руку ко лбу. Меня бросало то в жар, то в холод. Я сумею. Должна суметь. Я смогу стать королевой Англии, хорошей королевой. Выучу язык, я уже почти все понимаю, только запинаясь, когда говорю сама. Выучу все эти новые имена, титулы, как к кому нужно обращаться, не хочу вечно быть куклой, которой все надо подсказывать. Попаду в Англию – закажу несколько новых платьев. Мои собственные фрейлины, да и я сама, похожи на уток среди этих английских лебедей. Полуголые, чепец едва прикрывает волосы, порхают в своих легких платьях, а мы затянуты во фланель, словно в мешковину завернуты. Я научусь быть изящной, научусь быть красивой. Научусь быть настоящей королевой. Конечно же, я сумею встретиться с сотней незнакомых людей и не вспотеть от страха. Вдруг до меня дошло – мое поведение им кажется странным. Сначала говорю, что должна переодеться к обеду, потом прячусь в каморке чуть побольше шкафа и оставляю дам ждать снаружи. Что обо мне подумают – нелепая набожность или, хуже того, болезненная застенчивость? Я так и застыла. Конечно, я просто деревенская дурочка, где мне найти мужества хотя бы выйти наружу?

Прислушалась. За дверью тихо. Может, они устали ждать, может, они ушли переодеваться? Нерешительно приоткрыла дверь и выглянула.

В комнате осталась только одна дама. Сидит у окна, пристально следит за тем, что происходит во дворе. Услышала предательский скрип двери, обернулась, лицо доброе, внимательное.

– Леди Анна?

Вскочила, сделала реверанс.

– Я...

– Я Джейн Болейн, ваша придворная дама.

Правильно догадалась – в тумане этого дня я не смогла запомнить ни одного имени.

Я страшно смутилась. Если это родственница Анны Болейн, что она делает у меня в спальне? Моя придворная дама? Она должна быть в немилости, может, даже в изгнании.

Я оглянулась вокруг – кто бы перевел, но она, улыбаясь, покачала головой. Указала на себя, произнесла очень медленно и спокойно:

– Я Джейн Болейн. Я ваш друг.

И я поняла. Теплая улыбка, открытое лицо. Она хочет стать моей подругой. На корабле, среди новых лиц, новых людей я смогу кому-то довериться. Сама мысль об этом согрела меня. Я сморгнула слезы, простодушно протянула ей руку, повторила, запинаясь:

– Болейн?

– Да. – Она крепко сжала мою руку. – Уж я-то знаю, каково быть королевой в Англии. Кто лучше меня знает, как это трудно и страшно? Я буду вам другом. Доверьтесь мне.

Ее пожатие было теплым, и я поверила. Мы улыбнулись друг другу.

Джейн Болейн

Кале, декабрь 1539 года

Ей, бедняжке, королю не угодить, сколько ни старайся, хоть тысячу лет, хоть до скончания века. Удивительно, что послы его не предупредили, должно быть, думали только о том, как бы поскорее заключить союз с врагами Франции и

Испании, создать протестантскую лигу – бороться против католических правителей. Позабыли, увлекшись политикой, что королю по нраву, а что нет.

Сколько она ни старайся, ему по вкусу не придется. Он любит в женщинах нежную, загадочную улыбку, веселую шутку, забавное словцо, обещание во взоре, умение себя подать. Даже Джейн Сеймур, уж на что была тихоня послушная, но и от нее исходило то покорное тепло, что сулит известные наслаждения. Эта же просто неуклюжее дитя, широкая улыбка да честный взор. Стоит кому низко ей поклониться, тает от удовольствия, увидела в гавани корабли, чуть в ладоши не захлопала от радости. К вечеру устанет, переволнуется – бледнеет, словно хилый ребенок, и, кажется, в слезы удариться готова. А кончик носа краснеет, как у крестьянки на морозе. Не будь мне так грустно, я бы расхохоталась. Неужели хрустальные, на высоких каблучках туфельки Анны Болейн придутся впору этой неотесанной, застенчивой девчонке? И кому только в голову взбрело, что она сгодится для такой роли?

Но мне ее неловкость и застенчивость только на руку. Стану задушевной подругой, наперсницей, союзницей. Ей, этаким бедняжке, уж точно понадобится друг, знающий, как держаться при дворе. Расскажу ей все, что нужно знать, научу, как себя вести. Лучше меня никому не справиться, я-то всегда была в самом сердце королевского двора, роскошнее которого в Англии не бывало, я-то наблюдала все его взлеты и падения. Кому еще помогать новой королеве, как не той, что видела страшный конец другой владычицы, падение, унесшее вместе с собой и ее, и всю семью. Пообещаю стать ее лучшим другом и сдержу свое слово. Королева еще молода, ей только двадцать четыре, но скоро она повзрослеет. Невежественна, но ее можно научить. Совсем не знает жизни, но и это поправимо. Я уж помогу этой невинной чудаковатой простушке, стану ее наставницей и учительницей. Право же, прекрасный план.

Екатерина

Норфолк-хаус, Ламбет, декабрь 1539 года

Дядя пришел навестить бабушку, я наготове – вдруг ему вздумается меня позвать? Все знают, в чем дело, только я волнуюсь, будто меня ждет грандиозный сюрприз. Разучиваю походку, реверанс. Готовлюсь изобразить

изумление, счастье – такая чудесная новость. Мне нравится репетировать, повторять снова и снова. Агнесса и Джоанна попеременно играют роль дядюшки, пока я совершенствуюсь в реверансе, вновь и вновь негромко вскрикиваю от радости.

Девиц уже тошнит от меня, как от неспелых яблок, а я все не устаю твердить – чего вы ждали, я же Говард, конечно, меня позовут ко двору, буду служить королеве, жаль оставлять друзей, но что поделаешь.

Говорят, придется учить немецкий и танцев больше не будет. Я-то знаю – это неправда. Ей нужно жить как королеве, а если она глуповата и скучновата – тем лучше, на ее фоне я буду казаться еще ярче. Говорят, она любит уединение, говорят, голландцы вообще не едят мяса, только масло и сыр. Я-то знаю, это ложь – если не устраивать приемов, зачем тогда перекрашивать заново Хэмптон-Корт? Говорят, все придворные дамы уже назначены, половина уже в Кале – встречают новую королеву. Дядя просто пришел объявить, что я упустила свой шанс.

Тут-то я пугаюсь по-настоящему. Знаю же – королевские племянницы Маргарита Дуглас и маркиза Дорсет согласились стать старшими придворными дамами. Неужели для меня все кончено?

– Нет, – говорю я Марии Лассель, – не стал бы он приезжать, чтобы просто объявить – ты останешься дома, ты опоздала, для тебя нет места.

– А если он только для того и приехал? Пусть это послужит тебе уроком. Давно пора исправиться. Стать придворной дамой потруднее, чем крутить любовь с Фрэнсисом Дирэмом. Настоящая леди не допустит к себе в покои девушку, связавшуюся с таким типом.

До чего же несправедливо! У меня чуть слезы не брызнули.

– Не плачь, Екатерина, у тебя глаза покраснеют.

Быстренько зажимаю нос, чтобы остановить слезы.

– Умру, если придется остаться здесь! Мне уже пятнадцать, скоро будет восемнадцать, потом девятнадцать, двадцать – выходить замуж поздно, так и умру тут, возле бабушки. Нигде не была, ничего не видела, никогда не танцевала при дворе.

– Что за чушь! – сердито кричит Мария. – Как же ты тщеславна! А вот некоторые считают – для четырнадцати лет ты и так немало натворила.

– Ничего, – отпускаю наконец нос, прижимаю ладони к лицу. – Ничего я не натворила!

– Успокойся. Попадешь ты к королеве, – презрительно бросает Мария. – Дядя твой не упустит для племянницы такого места, как бы плохо ты себя ни вела.

– Девочки говорят...

– Дурочка, они просто завидуют. Останешься здесь – замучают тебя притворным сочувствием.

Даже я понимаю, как это верно.

– Пойди умойся. Твой дядя вот-вот появится.

Несусь со всех ног, только на минуточку остановилась объяснить Агнессе, Джоанне и Маргарите – я точно знаю, что буду фрейлиной, и нисколько не верю их злобным наветам. Тут меня позвали: «Екатерина, Екатерина, он здесь!» Я со всех ног бросилась в гостиную – вот он дядюшка, греет спину у огня.

Такого человека не отогреешь. Бабушка говорит, он – молот короля. Исполняет самую тяжелую, грязную работу. Кто возглавил английскую армию, разбил и покорил врага? Два года назад, когда я была еще маленькой, Север встал на защиту старой веры; кто тогда привел повстанцев в чувство? Он! Пообещал им прощение и отправил на виселицу. Спас королевский трон, избавил короля от необходимости самому подавлять крупнейший мятеж. Бабушка говорит, у него один довод – петля. Перевешал кучу народу, хотя в глубине души был на их стороне. Даже собственная вера не остановила его, его ничто не может остановить. По лицу видно – это жестокий человек, такого нелегко смягчить. Но

раз он пришел сюда посмотреть на меня – покажем. Пусть знает, какая у него племянница.

Приседаю в глубоком реверансе – сколько я готовилась к этому моменту! Немного подаюсь вперед, в вырезе платья видны очертания груди. Поднимаю глаза, я почти на коленях перед ним, нос на уровне пояса. Пусть полюбуется.

– Милорд дядя, – шепчу я, как будто на ухо в постели, – желаю вам приятного дня.

– Боже мой! – вырывается у него, даже бабушка ахает от удивления.

– Мадам, внучка... делает вам честь.

Поднимаюсь, стараясь не дрожать. Руки закладываю за спину – показываю грудь во всей красе, выгибаю спину – пусть оценит тончайшую талию. Глаза скромно опущены – примерная ученица, да и только, хотя тело мое и едва заметная улыбка говорят совсем о другом.

– Истинная Говард, – замечает бабушка. Она невысокого мнения о девушках по фамилии Говард – красивые, но дерзки.

– А я-то держал ее за ребенка. – По голосу слышно, он рад, что я уже выросла.

– Она умненькая девочка.

Бабушка хмурится, словно напоминает – посторонним необязательно знать, чему я выучилась под ее присмотром. Я простодушно раскрываю глаза. В семь лет я впервые застала служанку в постели с пажом, в одиннадцать влюбилась в Генри Мэнкса, так чего она от меня хочет?

– Настоящая красавица. – Дядюшка приходит наконец в себя. – Екатерина, ты умеешь танцевать, петь, играть на лютне?

– Да, милорд.

– Читать, писать – по-английски, по-французски, на латыни?

В отчаянии смотрю на бабушку. Всем известно – я чудовищно глупа. Настолько глупа, что даже не знаю, скрывать это или нет.

– Зачем девочке такие познания? – спрашивает бабушка. – Королева ведь говорит только по-голландски.

– По-немецки. Но королю нравятся образованные женщины.

– Он уже обжегся однажды, – улыбается герцогиня. – А эта Сеймур отнюдь не была великим мыслителем. Кажется, королю надоели философские споры с женами. Сами-то вы любите образованных дам?

Он только фыркнул. Всему свету известно – они с женой давным-давно живут врозь и ненавидят друг друга.

– Главное, она понравится королеве и всему двору, – решает дядя. – Екатерина, ты станешь фрейлиной новой королевы.

Я радостно улыбаюсь.

– Ты рада?

– Да, милорд. И очень вам благодарна. – Не забыла поблагодарить!

– Не опозорь семью, – объявляет он торжественно. – Твоя бабушка считает, что ты хорошая девочка, умеешь себя вести. Ты уж постарайся, не подведи нас.

Киваю. На бабушку не смотрю – уж она-то наслышана о Генри Мэноксе. И с Фрэнсисом однажды застучала – моя рука у него в штанах, на шее засос. Бабушка мне такую пощечину отвесила, что в ушах зазвенело, обозвала дурой и потаскухой. И на Рождество опять предупреждала: «Не связывайся ты с ним».

– На тебя будут обращать внимание мужчины, – продолжает дядюшка.

А то я мужчин не видала! Покосилась на бабушку, она ласково улыбается.

– Запомни: доброе имя важнее всего. Незапятнанная честь. Любой недостойный тебя слух – имей в виду, до меня все доходит – живо отправишься обратно, даже не сюда, а в деревню, в Хоршем. Там навсегда и останешься. Поняла?

– Да, милорд, – шепчу я испуганно. – Обещаю.

– При дворе ты ежедневно будешь у меня на глазах.

Что-то мне туда уже не очень хочется!

– Время от времени я буду посылать за тобой – расскажешь, как твои успехи у королевы, всякое такое. С другими будь осторожна, лишнего не болтай. Держи глаза открытыми, а рот – закрытым. Слушайся нашу родственницу Джейн Болейн, она тоже служит королеве. Постарайся быть ближе к королеве, стань ее маленьким другом. Покровительство государя – путь к богатству.

– Да, милорд.

– Еще одно.

– Да, дядя?

– Скромность, Екатерина. Это главное украшение женщины.

Приседаю в реверансе, глаза опущены долу, скромна, как монашка.

Бабушка смеется, – похоже, она так не думает. Да и дядюшка улыбается.

– Уверяю тебя, это так. Можешь идти.

Еще один реверанс – и я вылетаю из комнаты, пока он еще чего-нибудь не наговорил. Я-то стремилась ко двору, потому что там танцы и кавалеры, а получается, это служба.

– Что он сказал? Что сказал? – Девчонки в зале жаждут новостей.

– Буду фрейлиной! – ликую я. – Новые наряды, каждый вечер танцы, дядя сказал – я красивее всех в королевской свите. И вас больше никогда не увижу!

Анна

Кале, декабрь 1539 года

Погода на Английском море, благодарение Богу, наконец-то установилась. Напрасно я надеялась на письма, за долгие дни ожидания переправы никто мне не написал. Матушка не скучает по мне, но могла бы прислать хоть пару советов. Амелия, в надежде на визит в Англию, тоже могла бы не поскупиться на сестринские пожелания. Мне самой смешно – до чего же тяжело на душе, если мечтаю о письме от Амелии.

Но уж в брате я была уверена – напишет непременно. Он так и не смягчился, даже во время долгой подготовки к отъезду наши отношения оставались неизменными – я до смерти его боюсь и ненавижу, а его душит невысказанный гнев. Он мог бы поручить мне какие-нибудь дела при английском дворе, должна же я представлять интересы нашей страны! Но здесь я увидела господ из Клеве. Несомненно, он писал им. Видно, решил, что я не гожусь для его поручений. Мог хотя бы напомнить о правилах поведения. Брат властвовал надо мной всю жизнь, неужели он просто так меня отпустит? Но похоже, я все-таки освободилась. Вместо радости меня охватывает смущение. Странно все-таки, покинуть свою семью без единого доброго пожелания.

Мы поплывем завтра на рассвете, чтобы поймать отлив. В королевской резиденции ожидаю лорда Лиля и вдруг слышу какой-то спор за дверь. К счастью, Лотти, моя переводчица из Клеве, неподалеку. Я киваю, она тихонько подходит к двери, напряженно вслушивается в быструю английскую речь, хмурится. За дверью слышны шаги, она поспешно отскакивает, садится рядом со мной.

Входит лорд Лиль, весь красный, отвешивает поклон. Одергивает бархатный камзол, словно хочет дать себе время успокоиться.

– Простите, леди Анна, весь дом сегодня на ногах из-за сборов. Я зайду за вами через час.

Лотти шепотом переводит, я с улыбкой киваю.

– Она слышала? – спрашивает у Лотти напрямик.

Она поворачивается ко мне, видит, что я снова киваю. Лорд Лиль подходит ближе.

– Секретарь Томас Кромвель – вашей религии, – говорит он вполголоса.

Лотти шепчет мне на ухо по-немецки, чтобы я ничего не упустила.

– Он неправомерно взял под защиту несколько сотен лютеран, хотя город находится под моим управлением.

Я понимаю слова, но не их смысл.

– Они еретики. Отрицают власть короля как духовного лидера, отрицают святое чудо жертвы Иисуса Христа. Вино причастия претворяется в кровь – таково мнение англиканской церкви. Не признавать этого – ересь, которая карается смертью.

Мягко беру Лотти за руку. Знаю, это важные религиозные вопросы, но я-то тут при чем?

– Секретаря Кромвеля самого могут обвинить в ереси, если слухи дойдут до короля. Я говорил его сыну Грегори: этим людям должно быть предъявлено обвинение, кто бы им ни покровительствовал. Предупреждал – не смогу вечно закрывать глаза. Каждый добрый англичанин согласится со мной – над Богом нельзя глумиться.

– Я ничего не понимаю в этих английских делах, – говорю я осторожно. – Просто отвезите меня к мужу.

Мельком вспоминаю – брат поручил мне увести мужа-короля от папистских суеверий к ясности реформы. Боюсь, я снова его разочарую.

Лорд Лиль кивает, кланяется, отступает назад.

– Прошу простить меня. Напрасно я потревожил вас, просто хотел заверить – я возмущен поведением Томаса Кромвеля и сам всецело предан королю и церкви.

Снова киваю. Что еще я могу сказать или сделать? Он выходит из комнаты.

– Все это не совсем так, – объясняет Лотти. – Он обвиняет мастера Кромвеля в защите лютеран, а сын Кромвеля, Грегори, в свою очередь, обвиняет его в тайном папизме. Они представляют опасность друг для друга.

– Чего он ждет от меня? – спрашиваю я беспомощно. – Разве я разбираюсь в таких вопросах?

– Может быть, надеется, что вы расскажете королю, повлияете на него?

– Лорд Лиль был так добр, что дал понять: в его глазах я сама еретичка. Я отрицаю претворение вина в кровь. Это против здравого смысла, всякий скажет.

– В Англии правда казнят еретиков? – встревоженно спрашивает Лотти.

Я киваю.

– Как?

– Сжигают на костре.

Она в ужасе. Я собираюсь объяснить, что королю известно о моей вере и предполагается даже объединение с братом и его союзом протестантских герцогов, но в это время в дверь стучат – корабль готов к отплытию.

– Идем, – говорю я с напускной храбростью. – Наплевать на опасности. Хуже, чем в Клеве, нигде не будет.

Отплытие из английского порта на английском судне ощущается как начало новой жизни. Большинство моих спутников возвращаются в Клеве, мы прощаемся, и я поднимаюсь на борт. Гребные барки на канате вытягивают корабли из гавани, поднятые паруса ловят ветер, снасти скрипят, корабль вздымается вверх, словно летит, и тут я по-настоящему понимаю: я плыву в свою страну, словно королева из сказки.

Я стою на носу и, глядя поверх борта на белые гребешки волн на темной воде, гадаю, понравится ли мне мой новый дом, мое королевство, моя Англия. Вокруг – огни судов, плывущих рядом. Целая флотилия, пятьдесят огромных кораблей, флот королевы. Я начинаю осознавать богатство и силу моей новой державы.

Нам предстоит плыть целый день. Говорят, море спокойное, но мне волны показались очень большими и опасными. Маленькие суденышки карабкаются вверх, на водяную стену, и скользят вниз, в просвет между волнами. Иногда мы теряем из виду другие корабли нашей флотилии. Паруса надуваются, мачты скрипят, будто плачут, английские матросы тянут канаты, носятся по палубе. Я видела, как занимался рассвет – серое солнце над серым морем, ощущала безмерность воды вокруг нас и под нами. Многие дамы страдают морской болезнью, но я чувствую себя хорошо. Леди Лиль просидела со мной часть дня, и другие дамы тоже, Джейн Болейн – в их числе. Надо бы запомнить наконец их имена. День тянулся медленно, я вышла на палубу. Вокруг – корабли, везде, куда только хватает глаз, английский флот. Я горжусь оказанной честью, но очень неловко быть центром и причиной такого беспокойства. Когда я выхожу из каюты, матросы снимают шапки и кланяются. Две дамы все время сопровождают меня, даже если я просто иду на нос корабля. В конце концов мне надоело быть на виду, и я решила посидеть в каюте. Лучше смотреть через маленькое окошко, как волны вздымаются и опускаются, чем причинять всем неудобство, слоняясь взад-вперед.

Первый образ Англии – темная тень на темнеющем море. Мы вошли в крошечный порт под названием Дил. Смеркалось, шел дождь, но на берегу – множество пышно разодетого народа. Меня проводили в замок поесть и отдохнуть, и сотни, на самом деле сотни человек подошли поцеловать мне руку и поздравить с прибытием в мою страну. Как в тумане, я видела лордов с женами, епископа, смотрителя замка, придворных дам, которые будут прислуживать в моих покоях, фрейлин – будущих компаньенок. Несомненно, ни одной минуты в жизни я больше не буду одна.

Сразу после еды мы двинулись дальше. Существует строгий распорядок – где обедать и где ночевать, но, несмотря на это, меня каждый раз вежливо спрашивают, готова ли я ехать. Я быстро поняла: на самом деле никого не интересует, чего я хочу, и, если по плану пора выезжать, я должна дать согласие.

Уже поздно, я устала, хорошо бы остаться здесь. Но я забираюсь в паланкин – брат пожадничал, снаряжая его. Лорды вскакивают на лошадей, их жены – тоже, и мы с грохотом скачем по темной дороге, солдаты спереди, солдаты сзади, настоящая армия захватчиков. Приходится напоминать себе: я теперь королева. Если королевы путешествуют именно так, если так им служат, придется привыкать. Хватит мечтать о тихом ночлеге, о спокойном обеде, теперь придворные станут наблюдать за каждым моим движением.

На ночлег мы остановились в Дувре, добрались до замка уже в полной темноте. Я так устала, что утром едва могла подняться. Но полдюжины горничных уже стояли наготове с сорочкой и платьем, чепцом и щеткой для волос. Девушки-фрейлины толпились сзади, а за ними придворные дамы, и герцог Суффолк прислал спросить, не хочу ли я поехать в Кентербери, как только прочту молитвы и позавтракаю. Я поняла: он торопит с отъездом, значит, надо поторопиться и с молитвами, и с завтраком. Конечно, пришлось соврать – поеду с удовольствием – и поспешить со сборами. Дождь шел всю ночь, а утром превратился в град, но все вокруг предпочитали делать вид – я только и мечтаю о встрече с королем. Дамы закутали меня, как могли. Под завывания бури мы выехали из замка и двинулись на Кентербери по дороге, которую они называют Уотлинг-Стрит.

Сам архиепископ Кранмер, благородный человек с доброй улыбкой, приветствовал меня еще до въезда в город. Последние полмили он проехал на лошади подле моего паланкина. Я старалась разглядеть сквозь проливной дождь знаменитую дорогу паломников, по которой верующие идут к гробнице архиепископа Томаса Бекета в Кентерберийском соборе. Шпиль собора, необычайно высокий и красивый, можно разглядеть задолго до того, как покажутся стены города. Солнечный луч пробился сквозь тучи и упал прямо на шпиль, словно сам Бог коснулся святого места. Вдоль вымощенной дороги стоят дома, выстроенные, чтобы дать приют паломникам, ведь к прекраснейшей гробнице когда-то стекались верующие со всей Европы. Это была одна из главных святынь в мире – всего несколько лет назад.

Теперь все переменялось. Переменялось не меньше, чем если бы разрушили собор. Мать предупреждала: тебя ждет потрясение, но помалкивай и о том, что слышала о великих переменах в Англии, и о том, что видишь своими глазами. Король сам послал своих людей разграбить гробницу величайшего святого. Говорят, они выбросили тело мученика на помойку за городскими стенами, дабы положить конец святости этого места.

Брат сказал бы: вот и хорошо, что англичане отвернулись от суеверий, от папистских обычаев, но он не понимает – приюты паломников превратились в публичные дома и постоянные дворы, и по всем дорогам в Кентерберии – нищие, которым некуда податься. Брат не знает – половина зданий в городе была занята под больницы для бедных, церковь платила за лечение паломников, монахи и монахини жизни свои клали на служение бедным. А теперь наши солдаты вынуждены прокладывать дорогу в толпе людей, пришедших поклониться святому покровителю, а никакого покровителя уже нет. Слышу ропот народа, но стараюсь молчать. Наша процессия въезжает в большие ворота, архиепископ спешивается и приглашает меня в прекрасный дом, который, несомненно, был аббатством, может быть, еще месяц назад. Оглядываю красивую залу, где можно свободно разместить путешественников, – тут раньше обедали монахи. Знаю, брат надеется – я уведу эту страну еще дальше от суеверий и папизма, но он даже не подозревает, что творится здесь во имя реформ.

Витражи, некогда изображавшие сцены из жизни святого, безжалостно разбиты, ажурная каменная кладка уничтожена. Высоко под сводчатой крышей были, видимо, ангелочки и фриз с изображениями святых. Какой-то дурень небрежно сбил всю эту красоту молотком. Глупо, конечно, убиваться по каменным скульптурам, но те, кто исполнял эту угодную Богу работу, действовали отнюдь не угодным Богу способом. Статуи можно было спустить вниз и оставить после себя ровные стены. А вместо этого святым посбивали головы, обезглавили и ангелочков. Не понимаю, как можно служить Богу подобным образом.

Я родом из Клеве, мы отвернулись от папизма, и это правильно, но раньше я не сталкивалась с подобной глупостью. Как люди могут думать – мир станет лучше, если уничтожить что-то прекрасное, да еще оставить валяться обломки? Меня проводили в отведенные мне покои, несомненно бывшие комнаты настоятеля. Стены заново оштукатурили и покрасили, все еще пахнет извеской. Тут я начала понимать истинную причину религиозных реформ в этой стране. Прекрасное строение, окрестные земли, большие фермы, арендная плата, стада

овец, их шерсть – все раньше принадлежало церкви и папе. Церковь оказалась крупнейшим землевладельцем в Англии. Теперь же эти богатства достались королю. Впервые я осознала: может быть, Бог вообще тут ни при чем и все дело в человеческой жадности.

А может, и в тщеславии. Тело Бекета покоилось в усыпальнице богатейшего собора, украшенное золотом и драгоценными камнями, и сам король, приказавший разрушить гробницу, приходил сюда помолиться о помощи. Теперь ему помощь не нужна, мятежников в этой стране просто вешают, и все богатство, вся красота должны принадлежать королю. А брат сказал бы: это хорошо, в государстве не может быть двоевластия.

Устало переодеваюсь к обеду. Уже почти полночь, тьма кромешная, вдруг гром выстрелов, в комнату с улыбкой на лице входит Джейн Болейн и объявляет – сотни людей ждут меня в большой зале, чтобы приветствовать.

– Много джентльменов? – спрашиваю на своем ломаном английском.

Она улыбается, знает уже, как я боюсь долгих церемоний.

– Они просто хотят вас видеть. – Показывает на свои глаза. – Помашите им рукой.

Она машет рукой, я хихикаю – смешные сцены мы разыгрываем друг перед другом, пока я учу язык.

Указываю пальцем в сторону окна:

– Хорошие земли.

Она кивает:

– Земли аббатства, земли церкви.

– А теперь королевские?

– Теперь король – глава церкви, – отвечает с кривой улыбочкой. – Вам понятно? Все богатства, – она запинаясь, – все церковные богатства теперь принадлежат ему.

– И народ доволен? – Как жаль, что я не могу бегло говорить. – Плохих священников прогнали?

Она бросает взгляд на дверь – убедиться, что нас не подслушивают.

– Народ недоволен. Люди любили святыни, любили святых, они не понимают, зачем убрали свечи, почему больше нельзя молиться о даровании помощи. Только не говорите об этом ни с кем, кроме меня. Церковь разрушена, на то была воля короля.

Я киваю.

– А он протестант?

Ее глаза сверкнули.

– Вовсе нет. Король то, что сам пожелает. Он уничтожил церковь, чтобы жениться на моей золовке, она верила в реформу церкви, и король вместе с ней. Потом он уничтожил и ее, чуть не вернулся к католичеству, почти полностью возродил мессу – но богатств не вернет никогда. Кто знает, что будет дальше? Во что он поверит теперь?

Я далеко не все поняла из ее речи и отвернулась к окну. Темно, дождь хлещет по-прежнему. Король указывает подданным не только как жить, но и в какого Бога верить! Этот король разрушил гробницу величайшего святого во всем христианском мире, превратил огромные монастыри просто в дома. Как ошибался брат, надеясь, что я смогу привести такого короля к правильной вере!

– Пора обедать, – мягко говорит Джейн Болейн. – Не обсуждайте этого ни с кем.

– Хорошо.

Открываю двери спальни навстречу толпе ожидающих меня людей, опять передо мной море незнакомых, улыбающихся лиц, и только Джейн Болейн – на шаг позади.

Как хорошо все-таки спрятаться от темноты, от дождя. Я выпила большой стакан вина, с аппетитом поела, несмотря на то что сидела совсем одна под балдахином, а прислужники преклоняли колени, подавая очередное блюдо. Сотни человек обедали в большой зале, и еще сотни глазели через окна и двери, будто я какой-то неведомый зверь.

Я привыкну, знаю, что должна, значит, привыкну. Нет смысла быть королевой Англии и стесняться слуг. Наверное, это украденное аббатство – не самый прекрасный дворец в стране, хотя я нигде еще не видела столько позолоты, картин и гобеленов. Я спросила архиепископа, его ли это дворец, и он ответил с улыбкой, что живет по соседству. Эта страна так богата, что и вообразить невозможно.

В постель я легла, когда уже занималось утро, а встать пришлось очень скоро. Выехали рано, с нами, как всегда, отправилось множество народу. Архиепископ со свитой, сотни людей, правда сотни, теперь путешествовали вместе со мной. В этот день к нам присоединились несколько важных лордов, приехавшие проводить меня в Рочестер. Простые люди стояли вдоль дороги – приветствовали меня, а я улыбалась и махала рукой.

На каждой остановке мне кланялся очередной богато одетый человек. Леди Лиль, или леди Саутгемптон, или еще какая-нибудь дама шептали что-то на ухо, я улыбалась, протягивала руку, пытаюсь удержать в памяти очередное имя. Но они так похожи – все в роскошном бархате, с золотыми цепями, с жемчугом и драгоценными камнями на шляпах. Их дюжины, сотни, пол-Англии явилось сюда, чтобы принести поздравления, а я по-прежнему не могу отличить одного от другого.

Мы обедали в большой зале, очень торжественно, и мне представили леди Браун – в ее ведении будут находиться фрейлины. Она по очереди называла имена девушек, мимо меня проходили бесконечные Екатерины, Марии, Елизаветы, Анны, Бетси и Мадж. Все бойкие, хорошенькие, в крошечных чепцах. Волосы открыты – брат непременно осудил бы дам за безнравственность, – все в изящных туфельках, и все смотрят на меня, словно я – белый сокол в курятнике. Я подозвала Лотти и попросила сказать леди Браун по-английски – как только

мы прибудем в Лондон, надеюсь, она даст мне несколько советов по поводу нарядов и английской моды. Лотти перевела, леди Браун покраснела, отвернулась и больше на меня не таращилась. Понятно: она находит мое платье странным, а меня – безобразной.

Джейн Болейн

Рочестер, декабрь 1539 года

– Объясни ей, нельзя ходить в таком балахоне! – шипит леди Браун, будто я виновата, что новая королева Англии выглядит какой-то нелепой заморской диковинкой. – Скажи мне, Джейн Болейн, почему она не переоделась в Кале?

– А ей кто-нибудь объяснил, что так нельзя? – резонно спрашиваю я. – Все ее придворные дамы одеты точно так же.

– Лорд Лиль должен был с ней поговорить. Почему он ей не сказал, что не пристало заявляться в Англию в платье, смахивающем на одеяние монашки? Даже служанки хохочут до упаду, с ними теперь нипочем не справиться. А фрейлины! Я Екатерине Говард чуть пощечину не дала. Всего-то один день на службе у королевы, а уже передразнивает ее походку, и, хуже всего, прямо в точку попала.

– Молодые девушки всегда озоруют, успеете еще их приструнить.

– Времени нет сшить королеве новое платье, пока она едет до Лондона. Придется ей оставаться в чем есть, хоть она и похожа на тук с бельем. Да где же она?

– Отдыхает. Я подумала, неплохо бы ее хоть на минутку оставить в покое.

– Она – королева Англии, – резко оборвала меня ее милость леди Браун. – Спокойной жизни ей не видать.

Что на это ответишь?

– Как ты думаешь, нужно предупредить короля? Может, мне поговорить с мужем? – Леди Браун понизила голос. – Или не стоит докладывать государственному секретарю Кромвелю, что у нас есть, как бы сказать... сомнения? Может, ты поговоришь с герцогом?

Я лихорадочно обдумываю ответ. Клянусь, не хочется оказываться первой, кто скажет слово против новой королевы.

– Лучше вам поговорить с лордом Энтони. По-семейному, как жене с мужем, потихоньку.

– Сказать ему, что мы все так думаем? Верно, уж милорд Саутгемптон и сам понимает, что она в королевы не годится. И некрасива, и невоспитанна. Все время молчит, словно немая.

– Прямо не знаю, что и думать, – торопливо отвечаю я.

– Ну нет, Джейн Болейн, – хмыкнула она. – Ты всегда знаешь, что думать, от тебя мало что укроется.

– Может быть. Но если король ее выбрал затем, чтобы с ее помощью добиться союза с другими протестантскими странами, если милорд Кромвель ее выбрал за то, что с ней нам больше не страшны Испания с Францией, то, должно быть, все равно, какого размера у нее чепец, хоть с дом величиной. Чепец можно и поменять. А мне не пристало говорить королю, что его невеста, на которой он торжественно поклялся жениться, не годится в королевы.

Она задумалась на минуту.

– Выходит, я ошибаюсь и ни к чему ее хулить?

Я вспомнила бледное личико, выглядывающее из-за двери в Кале, застенчивую и испуганную девушку, что боится войти в комнату, где сидят ее собственные придворные. Мне сразу же захотелось взять бедняжку под защиту.

– Мне не за что ее хулить. Я – придворная дама. Могу дать совет по поводу платья или прически, да и то если попросит, но худого слова против нее не

скажу.

– Понятно, что сейчас не скажешь, – холодно поправила меня леди Браун. – Только когда тебе самой будет выгодно.

Делаю вид, что не обратила внимания на последние слова, как раз в эту минуту открывается дверь и караульный объявляет:

– Мисс Екатерина Кэри, фрейлина королевы.

Вот она, моя племянница. Наконец-то я ее увижу. Выдавила из себя улыбку и протянула ей обе руки:

– Малютка Екатерина! Как же ты выросла!

Она коснулась моей руки, но целоваться не торопится. Оценивающе оглядывает с ног до головы. Последний раз я ее видела у эшафота, она стояла рядом с Анной, своей тетушкой, держала ее плащ, смотрела, как королева кладет голову на плаху. Мы встречались последний раз в зале суда, куда меня вызвали для дачи показаний. Помню, как она тогда на меня поглядела – с каким-то неизъяснимым любопытством.

– Не замерзла? Как доехала? Хочешь подогретого вина? – повела ее к огню, она, словно против воли, пошла за мной. – Познакомься, это леди Браун.

Девушка присела в реверансе. Ничего не скажешь – грациозна и хорошо обучена.

– Как мать? Как отец?

– Спасибо, хорошо. – Голос звучный, деревенский говор почти незаметен. – Мама прислала вам письмо.

Вытащила листок из кармана, подала мне. Я поднесла письмо поближе к свету, сломала печать – в королевских покоях свечи большие, квадратные, яркие.

«Джейн...» – вот так Мария Болейн начинает письмо, ни титула, ни вежливого обращения, будто у меня нет фамилии, будто я не из той же семьи, будто я не леди Рочфорд из того самого Рочфорд-холла, где она теперь живет. Словно не она завладела моим наследием, все себе заграбастала, а мне ничего не оставила.

Давным-давно я предпочла любовь мужа суете и опасностям дворцовой жизни, и, если бы моя сестра – упокой, Господи, ее душу – поступила так же, наша доля была бы куда счастливей. У меня нет ни малейшего намерения возвращаться ко двору, но я желаю тебе и новой королеве Анне лучшей судьбы. Надеюсь, честолюбивые замыслы принесут тебе удачу, а не то, чего, по мнению многих, ты заслуживаешь.

Дядюшка потребовал, чтобы моя дочь Екатерина явилась ко двору, и она, повинувшись ему, прибудет к Новому году. Я ей строго-настрого наказала слушаться только короля и дядюшку, велела поступать сообразно моим наставлениям и своей совести. Объяснила, что ты никогда не была добрым другом ни моей сестре, ни брату, и посоветовала обращаться с тобой с тем уважением, которого ты заслуживаешь.

Мария Стаффорд

К концу письма у меня уже тряслись руки. Перечитала второй раз, будто что-то могло измениться. Уважение, которого я заслуживаю? Разве не пришлось мне изо всех сил лгать и обманывать, до самой последней минуты стараясь спасти этих двоих, разве не пыталась я отвратить несчастье, которое они на нас накликали? Что еще мне оставалось? Могла ли я поступить иначе? Я повиновалась дядюшке, как и положено. Что мне герцог приказал, то и делала, стала его самой преданной родственницей. И горжусь этим.

Кто она такая – обвинять меня в том, что я не была хорошей женой? Я ли не любила мужа всем сердцем и всей душой? Если бы не она и ее сестрица, быть мне его единственным другом. Они его поймали в свои сети, откуда уже не выбраться. Не сумела я эти сети порвать. Не замешайся он в бесчестье сестры, и сегодня был бы жив. Был бы моим мужем, отцом нашего сына, а так его вместе с Анной ошельмовали, вместе с ней обезглавили. И что Мария сделала, чтобы его спасти? Только о самой себе и заботилась.

От ярости и отчаяния, от всех этих мыслей в голове хочется заорать на весь свет: «Это она сомневается в моей любви к Джорджу! Это она меня попрекает!» Какое злобное письмо – просто слов нет! Лживые обвинения. Как же хочется крикнуть ей прямо в лицо: «Ты тоже там была, что ж ты не спасла Джорджа и Анну?!» Ни ты, ни я ничего не могли сделать.

Но она всегда была такая, и она, и ее сестрица. Всегда тыкали мне в глаза, что все знают, все понимают, во всем лучше разбираются. Стоило мне выйти замуж за Джорджа, тут же ему стали внушать: они, его сестры, куда лучше меня. Сначала одна пролезла в королевские любовницы, потом другая. Анна даже стала его женой, королевой Англии. Сестры Болейн рождены для истинного величия! А я лишь жалкая невестка. Ну хорошо, только я не затем вернулась ко двору, не затем давала показание на суде, не затем клялась и божилась, чтобы позволять этой женщине мне так выговаривать. Она-то сама удрала при первом приближении опасности, вышла замуж, спряталась подальше от двора, молится на свой протестантский лад, чтобы пришли времена получше.

Екатерина, ее дочурка, глядит на меня с любопытством.

– Показала она тебе письмо? – Голос мой дрожит, когда я задаю вопрос. Леди Браун смотрит на меня с нескрываемым изумлением.

– Нет, – отвечает Екатерина.

Бросаю письмо в огонь, будто там доказательство моей вины. Три пары глаз глядят на серый пепел.

– Отвечу попозже. Там нет ничего особенно важного. А пока пойду посмотрю, приготовили ли тебе комнату.

Мне нужен какой-то предлог, чтобы уйти от этих двоих и мягкого слоя пепла в камине. Зову служанок, распекаю их за нерадивость, потом тихонько запираюсь у себя в комнате, утыкаюсь горячим лбом в холодное толстое стекло. Не стану обращать внимание на эти измышления, на оскорбления, на злобу. Я теперь при дворе, служу королю и своему семейству. Со временем все поймут, кто у нас самый лучший, признают, что я та Болейн, что верно служила королю и семье до самого конца, не воротя носа, не спотыкаясь, даже когда король раздулся от жира, а из всей семьи осталась я одна.

Екатерина

Рочестер, 31 декабря 1539 года

Посмотрим, посмотрим, что у нас тут? Три новых платья, очень красивые. Для девушки у всех на виду вряд ли достаточно. Три чепца в тон, неплохие, но отделанные всего лишь золотой тесьмой, а ведь у многих придворных дам чепцы расшиты жемчугом и драгоценными камнями. Перчатки, новый плащ, муфта, пара кружевных воротничков. Не могу сказать, что вполне довольна выбором, а тем более количеством нарядов. Какой же смысл в жизни при дворе, если нечего надеть?

Несмотря на все великие надежды, пока не очень-то весело. От Грейвзенда мы плыли на лодке, и погода была хуже некуда. Проливной дождь, ветер – чепец сбился, волосы растрепались, новая бархатная накидка промокла, на ней наверняка останутся разводы. Будущая королева – бесцветная, как рыба. Может, устала с дороги, а по-моему, она просто вне себя от изумления, поражается самым обычным вещам. Словно крестьянка, впервые попавшая в город. Народ кричит «ура!», а она растерянно улыбается и машет рукой, как ребенок на ярмарке. Когда ей представляли знатных лордов, она поминутно оглядывалась на своих спутников из Клеве, бормотала что-то на их тарабарском языке и по-английски – ни слова. А уж руку подает – словно кусок мяса сует.

На меня едва взглянула. Похоже, не понимает, зачем это мы толпимся в ее спальне и что вообще с нами делать. Я разучила песню – думала, ей захочется послушать музыку, а она ни с того ни с сего решила помолиться. Ушла в маленькую каморку и заперлась. Кузина Джейн Болейн объяснила – королеве надо побыть одной. Это не набожность, это застенчивость. Мы должны быть добры к ней, развлекать ее, она скоро привыкнет, выучит язык, перестанет быть такой простушкой.

Не знаю, не знаю. У нее даже нижняя сорочка чуть не до подбородка и чепец тяжеленный. В плечах широка, а уж бедра-то совсем хороши, хотя под бесформенным платьем сразу не разберешь. Лорду Саутгемптону она вроде нравится, или, может, он просто чувствует облегчение – ведь путешествие скоро

закончится и он выполнит свою миссию. Посол, который был в Клеве, болтает с ней на их языке, а она улыбается и отвечает – точь-в-точь утка крякает. И леди Лиль она нравится. Джейн Болейн тоже часто на ее стороне. А я боюсь, при этом дворе будет не так уж весело. И что толку быть фрейлиной, если нет кавалеров и танцев? Она, похоже, не собирается ни наряжаться, ни веселиться, ни дурачиться. Зачем же тогда королевой становиться?

Джейн Болейн

Рочестер, 31 декабря 1539 года

После обеда ожидалось развлечение – травля быка собаками. Леди Анну усадили у окна, двор замка прямо перед глазами – ей все будет видно. Стоило будущей королеве показаться в окне, как мужчины во дворе разразились приветственными криками. Собак уже привели, и зрители начали делать ставки, обычно в такой момент их ничем не отвлечь, но сегодня день особенный. Она улыбается, машет рукой. Ей всегда легче с простыми людьми, им она нравится. В дороге все время приветствует пришедших на нее поглазеть, посылает воздушные поцелуи детям, что бросают ей цветы. Удивительное дело, со времен Екатерины Арагонской королевы не улыбались черни и Англия не приветствовала заморскую принцессу.

Я стою рядом с ней, с другой стороны – одна из ее германских подруг, переводит, что говорят. Лорд Лиль тоже, конечно же, рядом, и архиепископ Кранмер неподалеку. Он, как всегда, старается всем понравиться. Новая королева выбрана Кромвелем, его соперником, но все же самого страшного не случилось – король не выписал себе папистскую принцессу, и архиепископу-реформатору не приходится опасаться, что церковные реформы снова, в который раз, повернутся вспять.

Придворные толпятся у окон, готовые насладиться зрелищем. Впрочем, не все, некоторым больше по нраву посплетничать в уголке. Мне их разговоры не слышны, только, сдается, леди Браун не единственная, кому кажется, что леди Анна не больно-то подходит для той торжественной роли, на какую ее избрали. Одни сурово осуждают будущую королеву за застенчивость и молчаливость. Другим не по нраву ее манера одеваться, третьи насмехаются над тем, что она

не умеет ни танцевать, ни петь, ни играть на лютне. Жестокий двор, ничего не скажешь, тут привыкли к острому словцу, а эта девочка просто просится стать мишенью для насмешек. Если так пойдет, добра не жди. Свадьбу уже не остановить. Не может же король отослать ее домой ошельмованной! И за что – за то, что у нее чепец неэлегантный? Даже наш король на такое не решится. Тогда всем переговорам и договорам Кромвеля, да и ему самому, грош цена, а у Англии не останется никаких друзей, не будет никакого протестантского союза – только враги, Франция и Испания. Король никогда не решится на такой риск, не сомневаюсь. Но все равно трудно предугадать, как дела пойдут дальше.

Внизу во дворе готовятся выпустить быка. Вожатый уже отвязал веревку от кольца в носу и, еле увернувшись, выпрыгнул из-за загородки. Сидящие на скамьях зрители повскакали с мест, выкрикивают ставки. Бык огромный, сильный, тяжелый, голова массивная, безобразная. Поворачивается туда-сюда, маленькие глазки заметили собак с одной стороны, посмотрел в другую сторону – и там собаки. Псам явно неохота бросаться на быка, они боятся его мощи.

Уже давно я не видела травли быков и почти позабыла это дикое, жестокое возбуждение – собаки лают неистово, огромный зверь скоро будет затравлен. Нечасто попадают такие быки-тяжеловесы, на шкуре – шрамы от предыдущих боев, рога все еще острые. Псы носятся взад и вперед, не переставая лаять, – резкий, настойчивый лай, за которым угадывается трусливый скулеж. Бык мотает мордой, грозит подцепить собак на рога. Псы пятятся, собачий круг расширяется.

Один пес все же бросается вперед, бык поворачивается, – невероятно, как такая громадная зверюга движется столь быстро. Голова опускается, раздается пронзительный вой, почти человеческий плач. Рога уже пронзили собачий бок, дробят кости. Собака лежит на земле, не в силах даже уползти, только подвывает, как маленький ребенок, а бык снова наклоняет голову и еще раз вонзает рога в раздавленное тело.

Не могу сдержать крик. Сама не знаю, кого мне жалко – собаку или быка? Булыжник залит кровью, бык, занятый расправой над псом, не замечает, как на него бросаются другие собаки, одна из них хватает могучего зверя за ухо. Бык уворачивается, но другой пес уже повис у него на шее, вцепившись зубами в горло. Белые зубы блестят в свете факелов. Бык ревет – в первый раз с начала травли. Женщины у окна кричат, я тоже. Бык мотает упрямой головой, собаки

отскакивают и яростно воют.

Я дрожу, но не перестаю подзуживать собак – вперед, вперед! Гляжу не отрываясь. Леди Анна рядом со мной смеется, ей тоже нравится травля, она показывает на кровоточащее ухо быка:

– Как злится! Точно всех поубивает!

Внезапно грузный мужчина проталкивается вперед, распространяя вокруг запах пота, вина и конюшни. Он уже у самого окна. Грубо отстраняет меня и обращается к леди Анне:

– Я к вам с приветом от короля Англии.

И целует ее прямо в губы.

Я уже готова позвать охрану. Дородный, немолодой, лет пятидесяти – ей в отцы годится, в пестрой накидке с капюшоном, закрывающим лицо. Она, верно, думает: что за старый дурак, напился и лезет в окно? Ее приветствуют сотни людей, она всем машет и улыбается, а теперь еще этот пристал с мокрыми, слюнявыми поцелуями.

Но крик застревает у меня в горле, я узнаю его фигуру, вижу спешащих людей в плащах на один покрой, понимаю – да это сам король! И в то же мгновение каким-то чудом он больше не кажется старым, толстым и противным. В ту секунду, когда я узнаю короля, он в моих глазах снова прекрасный принц, которого я знала когда-то. Прекраснейший принц христианского мира, как же я его тогда любила! Это Генрих, король Англии, один из самых могущественных людей в целом мире. Ловкий танцор, прекрасный музыкант, охотник до всяких игр, король-аристократ, король-любовник. Кумир английского двора, чем-то неуловимо похожий на быка за окном, опасен, как раненый бык, на всякий вызов отвечает смертельным ударом.

Я не приседаю в реверансе, он для того и нарядился, чтобы его не узнали. Я выучилась от Екатерины Арагонской – никогда не узнавай короля, если он переодет. Он наслаждается той минутой, когда все в восторге восклицают, что в жизни бы не узнали прекрасного незнакомца, не сними он маску. Королю хочется, чтобы люди им восхищались, даже не зная, что он король.

Увы, я не успеваю предупредить леди Анну – сцена у окна начинает напоминать ту, куда более кровавую, что во дворе. Она резко отталкивает грузное тело, упирается двумя крепкими кулачками ему в грудь, лицо, обычно такое невыразительное и бесстрастное, заливают жаркая краска. Она честная женщина, нетронутая девица, ее в ужас бросает от мысли, что какой-то мужлан может так с ней обращаться. Она вытирает губы рукавом, пытается стереть вкус его губ. Потом – о ужас! – плюет на пол, стараясь избавиться от вкуса чужой слюны. Выкрикивает что-то по-немецки – понятно и без перевода, бросает проклятия этому животному, которое осмелилось коснуться ее, дыхнуть винным запахом прямо в лицо.

Король отступает, великий король едва не теряет равновесие, уязвленный ее презрением. Никогда еще его не отталкивали, никогда еще не видел он такого отвращения в глазах женщины, его всегда встречали улыбкой и страстными вздохами. Он ошеломлен. Залитое краской лицо и оскорбленный взгляд девушки первый раз в жизни честно говорят ему, каков он на самом деле. Словно ужасная, слепящая вспышка освещает его самого, показывает в истинном свете – уже не первой молодости, почти старик, давно потерял красоту, его никто не хочет, молодая женщина его отталкивает, не в силах вынести отвратительный запах и грубое прикосновение.

Он качается, словно ему нанесен роковой удар прямо в сердце. Никогда его раньше таким не видела. Он будто внезапно осознал, что вовсе не красив, не обаятелен, а стар, болен и в один прекрасный день умрет. Он больше не самый привлекательный принц христианского мира, а старый дурак, решивший, что стоит накинуть плащ с капюшоном, поскакать навстречу юной особе, и ничего ей не останется, как смертельно в него влюбиться.

Он потрясен до глубины души, сконфужен, растерян – выживший из ума дед, да и только. Леди Анна в этот момент почти прекрасна. Стоит, выпрямившись во весь рост, разгневана, полна собственного достоинства. Владычица, бросающая презрительный взгляд на незнакомца, – убирайся, мол, отсюда, тебе здесь, при дворе, не место.

– Убирайтесь! – командует она по-английски с ужасающим немецким акцентом и делает движение, словно снова готова его оттолкнуть.

Оборачивается, ищет глазами стражников и тут наконец замечает – никто не бросается ей на помощь, все застыли, не зная, что сказать, как спасти положение. Леди Анна разгневана, король на глазах у всех унижен, смертельно уязвлен. По правде говоря, всем внезапно и разительно бросается в глаза его старое, безобразное, обмякшее тело. Лорд Саутгемптон делает шаг вперед, не в силах подобрать подходящие слова, леди Лиль глядит на меня, и в глазах ее отражается тот же ужас, что написан на моем лице. Как же мы смущены, мы – заслуженные придворные, льстецы и лгуны – не знаем, что сказать! Вот уже тридцать лет мы охраняем тот мирок, в котором наш король никогда не стареет, всегда прекраснее всех других мужчин, всегда и во всех рождает только страсть. И вдруг этот мирок вдребезги разбит, и кем – женщиной, к которой никто из нас не питает ни малейшего уважения.

Король тоже потерял дар речи, он спотыкается на ходу, нога с незаживающей, дурно пахнущей раной подламывается, а Екатерина Говард, эта маленькая хитрая штучка, шумно выдыхает, будто не в силах сдержать изумление, и обращается к королю:

– О-о-о! Простите меня, милорд, я совсем недавно при дворе, я тут чужая, как и вы. Могу я осведомиться, как вас зовут, милорд?

Екатерина

Рочестер, 31 декабря 1539 года

Я одна его заметила. Не люблю смотреть, как травят собаками быка или медведя, и петушиные бои тоже не люблю. По-моему, страшная гадость, так что я устроилась поодаль от окна. На самом деле я поглядывала на одного юношу, очень симпатичного, я уже видела его раньше. Вдруг входят шестеро пожилых мужчин, лет тридцати, не меньше. Впереди – король, старый, огромный. На всех одинаковые накидки, похожие на маскарадные костюмы. Я сразу смекнула: хочет выдать себя за странствующего рыцаря, старый дурень. Королева притворится, что не узнает его, и начнется бал. Конечно, я обрадовалась, стала соображать, как бы исхитриться потанцевать с тем парнем.

Потом король ее поцеловал, и все пошло наперекосяк. Я сразу же заметила – она понятия не имеет, кто это. Почему ее не предупредили? Она решила: какой-то старый пьянчужка полез с ней целоваться, наверное, на пари. Конечно, возмутилась, оттолкнула его – ведь в дешевом плаще, потрепанный, он совсем не похож на короля. Сказать по правде, вылитый торговец – походка вразвалку, покрасневший от вина нос, что-то высматривает. Такой поздоровается на улице – мой дядюшка нипочем не ответит. Толстый, вульгарный старик, типичный подвыпивший фермер в базарный день. Круглая, жирная, распухшая рожа, жидкие седые космы. Непомерно толст, из-за раны на ноге хромает и переваливается на ходу, как матрос. Без короны на голове просто жирный старый дед.

Король отступил, а она вытерла рот и – какой ужас, я чуть не вскрикнула – сплюнула. Пахло от него действительно ужасно. Потом с достоинством произнесла: «Убирайтесь!» – и отвернулась.

Наступила чудовищная, мертвая тишина. Никто не решался сказать ни слова. И тут я поняла – словно кузина Анна Болейн подсказала, – настала моя очередь. Танцы, давешний молодой человек – все вылетело у меня из головы. Я позабыла о себе, а ведь этого почти никогда не случается. Как озарение нашло – притворюсь, что не узнала его, тогда он сам себя не узнает и весь печальный маскарад, все непомерное тщеславие старого болвана не рухнет у нас прямо на глазах. Сказать по правде, мне стало его жалко. Захотелось вывести короля из замешательства, неприятно же, что тебя отвергли, отшвырнули, как вонючего пса. Я бы промолчала, заговори кто-нибудь другой. Но невыносимое молчание длилось и длилось. Он оступился, чуть не упал прямо на меня, у старого жалкого дурня было такое смущенное, унылое лицо, что я не выдержала:

– О-о-о! Простите меня, милорд, я совсем недавно при дворе, я тут чужая, как и вы. Могу я осведомиться, как вас зовут, милорд?

Джейн Болейн

Рочестер, 31 декабря 1539 года

Леди Браун велела фрейлинам отправляться в постель, прорычала приказ не хуже капитана дворцовой стражи. Молодежь в неистовом возбуждении, а Екатерина Говард хуже всех, дикая и невоспитанная. Каждую секунду изображает, как только что говорила с королем, как поглядела на него из-под длинных ресниц, как умоляла его, прекрасного незнакомца, новичка при дворе, пригласить леди Анну на танец. Представление длится без конца, и все просто умирают от хохота.

Только леди Браун не до смеха, лицо грозней грозовой тучи. Я разогнала девчонок по постелям, велела перестать дурачиться. Им лучше бы вести себя достойно, брать пример с леди Анны, а не подражать неумному и своевольному поведению Екатерины Говард. Они наконец улеглись, пара за парой, смирные, будто ангелочки, мы задули свечи, оставили их в темноте и заперли двери. Только вышли, началось перешептывание – нет такой силы на земле, что уgomонила бы сегодня этих девчонок, нечего и пытаться.

– Как вы себя чувствуете, леди Браун? – с участием спросила я.

Она помедлила с ответом, но ей тоже очень хотелось с кем-нибудь поговорить. Я с ней явно заодно и попусту болтать не стану.

– Ужасное начало, – тяжело вздохнула она. – Конечно, все в конце концов уладилось, танцы и пение всегда помогут, и леди Анна быстро пришла в себя, как только ты ей объяснила, в чем дело. Но начало просто отвратительное.

– Король?

Она кивнула и плотно сжала губы, словно останавливая саму себя на полуслове.

– Мы обе так измучены, – начала я. – Может, выпьем по стаканчику подогретого эля, прежде чем отправляться на покой? Сэр Энтони ночует сегодня здесь?

– Бог знает, когда еще он придет, – неожиданно искренне ответила она. – Не сомневаюсь, придворным короля сегодня глаз не сомкнуть.

– Да? – Я уже вхожу в приемную королевы. Остальные дамы, похоже, удалились, огонь в камине чуть теплится, но кувшин с подогретым элем и пара высоких

пивных кружек все еще стоят рядом с догорающим поленом. Разливаю эль по кружкам. – Неприятности?

Она наклонилась ко мне поближе и перешла на шепот:

– Муж сказал, король клянется, что не женится на ней.

– Быть не может!

– Именно так король и сказал! Именно так. Заявил, что она ему совсем не по душе.

Она отпила эля и посмотрела на меня поверх кружки.

– Леди Браун, вы, верно, ошиблись...

– Мне муж успел шепнуть. Только мы, дамы, вышли из комнаты, король схватил его за воротник, чуть не задушил, и прошипел, что в полном ужасе от леди Анны – она совсем не такая, как ему описали.

– Так и выразился?

– Слово в слово.

– Но вид у него был весьма довольный, когда мы уходили.

– Прямо-таки довольный, скажете тоже. Мы все тут актеры, но король, видно, не собирается играть роль восторженного жениха.

– Придется, помолвка-то объявлена, и контракт подписан.

– Он сказал, она ему не понравилась. Теперь он во всем будет винить тех, кто эту помолвку устроил.

Я должна немедленно сообщить обо всем герцогу, надо его предупредить до того, как король вернется обратно в Лондон.

– Будет винить тех, кто эту помолвку устроил?

– И тех, кто привез Анну. Он вне себя от ярости.

– Томаса Кромвеля? – тихонько предположила я.

– Это уж точно.

– Не может же король отослать леди Анну обратно?

– Они поговаривают, надо найти повод для расторжения помолвки, какой-нибудь недостаток. Оттого сэру Энтони и остальным вряд ли удастся лечь спать этой ночью. Ее свита из Клеве не привезла с собой копию документа о расторжении той, давней помолвки. А раз ее нет, можно попытаться доказать, что брак заключать никак нельзя, он не будет действительным.

– Опять то же самое! – Я на мгновение забыла всяческую осторожность. – Они в том же самом, слово в слово, обвиняли королеву Екатерину. Мы себя снова выставим дураками.

– Да, опять то же самое, – кивнула она. – Но лучше уж поводу найтись сразу, тогда ее в целости и сохранности отправят домой. А иначе придется выходить замуж за недруга. Ты же знаешь короля, ни за что не простит – подумать только, отплевывалась от его поцелуев.

Я благоразумно промолчала. Рассуждать на эти темы слишком опасно.

– Брат ее, похоже, совсем неумен, – заметила я после паузы. – Жди беды, если он не позаботился о безопасности сестры.

– Не хотела бы я сегодня быть на ее месте. Ты знаешь, я с самого начала говорила – она королю не придется по нраву, я и мужу моему то же самое сказала. Только он сам все лучше всех знает, союз с Клеве важнее всего, нам нужна защита от Франции и Испании, от этих папистов. В каждой стране Европы найдутся паписты, что готовы хоть сейчас выступить против нас. И в самой Англии есть паписты, что не прочь убить короля прямо в королевской постели. Надо усилить реформы. Ее братец – глава союза всех протестантских герцогов и

принцев, наше будущее с ними. И тут такой скандал – только король появился, готовый уже поухаживать и полюбезничать с ней, а она его возьми и оттолкни, словно он пьяный торговец какой.

– Не очень-то он был похож на короля в тот момент, – скромно заметила я, опасаясь слишком углубляться в эту тему.

– Да уж, не в лучшем виде себя показал.

Леди Браун тоже сама осторожность. Ни одна из нас не осмелится признать вслух, что наш прекрасный принц разжирел, превратился в страшилище, в старого урода и теперь даже мы наконец это заметили.

– Пора в постель. – Она решительно отодвинула кружку.

– И мне пора ложиться.

Подождала, пока леди Браун дойдет до спальни и закроет за собой дверь, на цыпочках прокралась в залу, где обнаружила человека в ливрее дома Говардов. Он пил вместе с остальными и, похоже, уже был порядком пьян. Я поманила его пальцем. Он тихонько встал и подошел ко мне.

– Немедленно отправляйся к милорду герцогу, – приказала я шепотом, приблизив губы к уху слуги. – Отыщи его, прежде чем он повидается с королем.

Он кивнул, сразу поняв, в чем дело.

– Скажи ему, и только ему одному, – королю не понравилась леди Анна, он попытается расторгнуть брачный контракт и будет во всем винить тех, кто навязал ему такую невесту.

Слуга снова кивнул. Я на мгновение задумалась, не упускаю ли чего важного.

– Это все.

Незачем напоминать одному из самых неразборчивых в средствах людей в Англии, что это наш соперник Томас Кромвель задумал и устроил сей брак.

Теперь подвернулась неплохая возможность избавиться от Кромвеля, мы уже однажды проделали нечто подобное с Уолси. А когда Кромвеля не будет, королю понадобится новый советник. И кто лучше всех подходит на такую высокую должность? Ну конечно же, Норфолк.

– Отправляйся немедленно, найди герцога, прежде чем он увидится с королем, – повторила я. – Милорда герцога надо предупредить.

Слуга поклонился и тут же вышел из залы, даже не простившись с собутельниками. Похоже, он враз протрезвел.

Я отправилась к себе. Я делила комнату с одной из придворных дам, она уже давно посапывала, широко раскинувшись на нашей общей постели. Я тихонько сдвинула ее руку со своей подушки и скользнула под теплое одеяло. Только мне не спалось, в тишине слышала я рядом легкое дыхание и думала о бедной леди Анне, ее невинном личике и прямодушном взоре. Права ли леди Браун, считая, что жизнь бедняжки в опасности только оттого, что ей предстоит стать женой короля, которому она пришлась не по вкусу?

Конечно же нет, леди Браун просто преувеличивает. Молодая особа – дочь германского герцога, у брата хватит влияния защитить сестру. Зато королю очень нужен союзник. Потом я вспомнила – брат отправил ее в Англию, не снабдив даже документом, подтверждающим законность помолвки. Отчего он о ней не позаботился, почему послал одну в медвежью берлогу?

Анна

По дороге в Дартфорд, 1 января 1540 года

Хуже некуда. Я полная дура. Хорошо, что путешествую в паланкине, сидеть неудобно, зато наконец я одна. Как мне надоели все эти люди: внешне благожелательны, а втайне смеются надо мной, обсуждают катастрофу – первую встречу с королем.

Нет, правда, в чем я-то виновата? У него был портрет, Ганс Гольбейн мне не польстил, король мог внимательно рассмотреть, изучить, раскритиковать мою внешность, он прекрасно знал, как я выгляжу. Это у меня не было его изображения, я, как и все, представляла его юным принцем, занявшим трон в восемнадцать лет, прекраснейшим королем в мире. Конечно, я знала, что ему почти пятьдесят. Знала – выхожу замуж не за прекрасного юношу, даже не за прекрасного принца. Знала – он мужчина в расцвете лет, даже старше. Но я не знала, как он выглядит. У меня не было нового портрета. И я не ждала... такого.

Может, он не так уж и плох. Легко представить, каким он был. Широкие плечи украшают мужчину любого возраста. Говорят, он по-прежнему ездит верхом, охотится, когда не беспокоит рана в ноге, по-прежнему деятелен. Сам объезжает страну, не передает власть более энергичным советникам, его ум остался при нем, насколько можно судить. Но у него маленькие пороссячи глазки, капризный рот, круглое, как луна, лицо заплывшее жиром. Должно быть, и зубы гнилые, потому что изо рта пахнет. Когда он схватил меня в объятия и поцеловал, вонь была нестерпимой. Он отлетел от меня и чуть не расплакался, избалованное дитя, да и только. Сказать по правде, оба мы были не на высоте. Я тоже вела себя не лучшим образом, раз оттолкнула его.

Господи, но зачем же я еще и плюнула?

Плохое начало. Ужасное, недостойное начало. Почему он сразу начал приставать? Легко теперь говорить – он любит переодеваться, маскироваться, притворяться обычным человеком, но так, чтобы его с легкостью узнавали. Надо было предупреждать. Наоборот, мне каждый день вбивали в голову: при английском дворе соблюдаются формальности, все делается по строгим правилам, я должна изучить порядок старшинства, нельзя по ошибке обратиться к младшему члену семьи раньше, чем к старшему, такие вещи важнее всего в жизни. В Клеве мне каждый день повторяли: английская королева должна быть безупречна, полна достоинства, холодна, никакой фамильярности, тем более легкомыслия, чрезмерного дружелюбия. Твердили: жизнь английской королевы зависит от ее незапятнанной репутации. Угрожали: меня ждет судьба Анны Болейн, если буду такой же распущенной, влюбчивой, страстной.

И что я должна была делать, когда толстый старый пьяница полез ко мне целоваться? Разве я могла подумать, что этот урод – король? Все же, видит Бог, несмотря на отвратительный вкус во рту, не надо было мне отплевываться.

А может, все не так плохо? Сегодня утром он прислал мне в подарок собольи меха, очень дорогие, отличного качества. Малютка Екатерина Говард оказалась умнее меня – не узнав короля, она сердечно приветствовала его и получила золотую брошь. Сэр Энтони Браун сопровождал подарки приятной речью. Оказывается, король поехал вперед подготовиться к нашей официальной встрече, она состоится в пригороде Лондона, это место называется Блэкхит. Дамы заверили меня – до тех пор больше неожиданностей не предвидится, можно расслабиться. Оказывается, переодевание – любимая забава короля. Когда мы поженимся, надо быть готовой – он явится с фальшивой бородой или в огромной шляпе и пригласит меня на танец, а мы все притворимся, что не узнаем его. Я улыбнулась, сказала: как мило, – но про себя подумала: какая глупость, какое ребячество, какое тщеславие! Неужели в такого, каким он стал сейчас, можно влюбиться с первого взгляда? Возможно, когда он был моложе и привлекательнее, его любили просто за красоту и обаяние, даже не зная, что он король. Но сейчас, через много-много лет, нужно ли изображать восхищение? Но я не выдала своих мыслей. Сейчас лучше помолчать, одну игру я уже испортила.

Девушка, которая любезно приветствовала короля и тем спасла положение, – моя новая фрейлина Екатерина Говард. В суматохе сборов, насколько позволил мой английский, я ухитрилась поблагодарить ее за помощь.

Она присела в реверансе, и Лотти перевела ее бойкий ответ:

– Она говорит, что счастлива оказаться полезной. Раньше она не бывала при дворе и действительно не узнала короля.

– Почему же она заговорила с незнакомцем, явившимся без приглашения? – Я озадачена. – Не надо было обращать внимание. Подумаешь, влез какой-то невежа.

Лотти перевела, в глазах девушки ясно читалось: нас разделяет не только язык. Словно мы из разных миров, словно я прилетела на белых крыльях из снежной дали.

– Was? – удивленно спросила я по-немецки и протянула к ней руки. – Что?

Она придвинулась ближе и, не сводя с меня глаз, что-то зашептала Лотти на ухо. Я глядела на них с улыбкой. Милая девушка, хорошенькая, как куколка, и такая

серьезная.

Лотти, едва сдерживая смех, повернулась ко мне:

– Она говорит, короля нельзя не узнать. Кто еще мог пройти мимо стражи? Кто еще такой высокий и толстый? Но при дворе все играют в эти игры, притворяются, что не узнают, считают прекрасным незнакомцем. И пусть ей только четырнадцать и бабушка считает ее дурой, она знает, что все мужчины в Англии жаждут, чтобы ими восхищались, и с возрастом они становятся только тщеславнее, а разве в Клеве мужчины не такие?

Смеюсь над ней и над собой.

– Скажи ей, Лотти, мужчины везде одинаковы, а настоящая дура – это я. Пусть и дальше дает мне советы, хоть ей всего четырнадцать и что бы там ни говорила ее бабушка.

Екатерина

Дартфорд, 2 января 1540 года

Ужас, ужас! Боже милостивый, это превосходит самые страшные ожидания! Нет, я не вынесу. Дядюшка явился сюда из самого Гринвича и немедленно потребовал меня к себе. Что ему надо? Конечно, ему уже доложили, как я заговорила с королем. Теперь отошлет меня домой, к бабушке, за нескромное поведение. Мне этого не вынести, в Ламбете я умру со стыда, в Хоршеме – с тоски. Утоплюсь! Как там эта речка называется, Хорш, Шем? Словом, просто утиный пруд. Вот утону, тогда пожалеете.

Когда мою кузину королеву Анну обвинили в супружеской измене, он не был на ее стороне. Она, видно, испугалась, голову потеряла от страха, но, клянусь, мне сейчас еще хуже.

Мы встречаемся в комнате леди Рочфорд – мой величайший позор необходимо сохранить в тайне, только между нами, Говардами. Вхожу – она преспокойно

сидит у окна. Наверное, сама же и донесла дядюшке, старая сплетница. Я скорчила страшную гримасу – пусть знает, мне известно, кого благодарить за мою гибель.

– Лорд дядя, только не отправляйте меня в Хоршем! – выпаливаю, едва переступив порог.

– Добрый день, племянница, – хмурится, голос неласковый.

Приседаю в реверансе, чуть на колени не падаю.

– Пожалуйста, милорд, не отправляйте меня в Ламбет, умоляю. Леди Анна не рассердилась, она рассмеялась, когда я рассказала...

Осеклась. Пересказывать дядюшке наш разговор с будущей королевой – дескать, ее жених не только стар, толст, но и тщеславен непомерно – не самая лучшая идея.

– Я ничего ей не сказала, – поспешно поправляюсь, – но она осталась довольна, обещала во всем советоваться, пусть даже бабушка считает меня дурой.

Язвительный смешок – он явно согласен с бабушкой.

– Ну, не совсем советоваться, сэр, просто я ей понравилась, и королю тоже – он прислал мне золотую брошку. Пожалуйста, дядя, позвольте мне остаться. Я больше рта не раскрою, даже вздохнуть не посмею. Умоляю! Я ни в чем не виновата!

Снова смешок.

– Правда не виновата. Пожалуйста, дядя, не отворачивайтесь от меня. Поверьте, я буду хорошо себя вести, вы еще станете мной гордиться, я постараюсь...

– Тише! Я доволен тобой.

– Я все сделаю...

– Сказал же – я тобой доволен.

– Правда?

– Ты была восхитительна. Король с тобой танцевал?

– Да.

– И беседовал?

– Да.

– Как тебе показалось, он тобой увлекся?

Я задумалась. Не то чтобы «увлекся». На юнцов, что заглядывают за вырез и краснеют, если им улыбнуться, он не похож. Кроме того, я просто подвернулась под руку, когда леди Анна дала ему отпор. Он был так потрясен, что со всяким бы заговорил, лишь бы скрыть обиду и замешательство.

– Он говорил со мной, – повторяю беспомощно.

– Я очень доволен, что король почтил тебя вниманием.

Дядя говорит медленно, словно он – школьный учитель, а я – непонятливая ученица.

– О!

– Очень доволен.

Интересно, а леди Рочфорд хоть что-нибудь понимает? Она улыбается, кивает.

– Он послал мне брошку, – решаюсь напомнить.

– Дорогую?

– По сравнению с соболями леди Анны – нет.

– Надеюсь, что так. Золотую хоть?

– Золотую и очень красивую.

– Это так? – спрашивает он леди Рочфорд.

– Да.

Они обмениваются улыбками, видно, хорошо понимают друг друга.

– Если его величество снова удостоит тебя беседой, постарайся быть милой и любезной.

– Хорошо, милорд.

– Поток щедрот начинается с небольшого знака внимания. Королю не понравилась леди Анна.

– Но он ей таких соболей подарил – загляденье, – напоминаю я.

– Знаю, это не важно.

Мне кажется, еще как важно, но я не возражаю, гораздо умнее вовремя промолчать.

– Ты увидишь короля сегодня, постарайся ему угодить, он и тебе подарит меха. Поняла?

– Да. – Про меха я поняла.

– Хочешь заслужить и подарки, и мое одобрение – будь с ним мила. Леди Рочфорд поможет советом. Она мудрая, опытная придворная дама. Немногие знают о короле больше ее. Леди Рочфорд объяснит, как себя вести. Король отличает тебя, значит, скоро влюбится. Таковы наши надежды и наши

намерения.

– Влюбится в меня?

Оба кивают. С ума они, что ли, посходили? Он же старик, небось давным-давно забыл о любви. Принцесса Мария, его дочь, гораздо старше меня, чуть ли не в матери мне годится. Старый, страшный, зубы гнилые, на ходу переваливается, как утка. Какая уж тут любовь! Я для него – внучка, вот что!

– Он же женится на леди Анне, – пытаюсь я возражать.

– Ну и что?

– Он слишком стар, чтобы влюбляться.

Дядя так хмурится, что я взвизгиваю от страха.

– Дура, – бросает он коротко.

Неужели дядя на самом деле прочит старого короля мне в любовники? Должна ли я объяснять, что уже не девственница? Подмоченная репутация значит в Ламбете очень многое.

– Но мое доброе имя?

– Чепуха! – Дядя опять смеется.

Леди Рочфорд, моя будущая наставница при этом распутном дворе, хранительница моей драгоценной чести, говорит:

– Я все попозже объясню.

Понимаю: надо помалкивать.

– Хорошо, милорд, – шепчу я нежно.

– Славная девочка! Я дам леди Рочфорд денег – тебе на платье.

– О, благодарю вас!

Ему нравится мой восторг.

– Оставлю вам слугу для особых поручений, – обращается он к леди Рочфорд. – Похоже, дело того стоит. Кто бы мог подумать? Во всяком случае, сообщайте, как пойдут дела.

Она встает, делает реверанс. Дядя молча выходит, мы остаемся вдвоем.

– Чего он хотел? – Я совсем сбита с толку.

Она оглядывает меня со всех сторон, словно прикидывает размер платья.

– Не важно. – А голос такой добрый. – Он тобой доволен, это самое главное.

Анна

Блэкхит, 3 января 1540 года

Сегодня счастливейший день в моей жизни – я влюбилась. Не как глупая девчонка, которая влюбляется просто потому, что парень удостоил ее взглядом или наплел что-нибудь. Моя любовь – навсегда. Я люблю Англию. Наконец-то я это осознала, вот почему я так счастлива сегодня. Стану королевой этой богатой, прекрасной страны. До сих пор меня везли как дуру, с закрытыми глазами, по совести говоря, в основном в темноте, и погода была хуже некуда. Но сегодня день солнечный и ясный, небо голубее утиных яиц, свежий воздух пьянит, как вино. Отец не зря звал меня полярным соколом, сегодня я сама словно парю высоко в небе, люблюсь чудесной страной, что скоро станет моей. На дороге из Дартфорда в Блэкхит искрится иней. И вот мы въезжаем в парк. Придворные дамы роскошно, тепло одеты, они радостно нас приветствуют. Теперь у меня почти семьдесят придворных дам, среди них – королевские кузины, племянницы. Вот сколько у меня новых друзей! Знаю, в этом наряде я

выгляжу хорошо, сегодня даже брат мог бы мной гордиться.

Тут целый город шатров из золотых тканей, реют яркие флаги, стражу держит собственный королевский отряд, высокие и красивые гвардейцы – легенда Англии. Ожидая короля, мы заходим внутрь – согреться и выпить стакан вина. В жаровнях пылает уголь, добытый на побережье, самый лучший, и это в честь меня, ведь я скоро стану членом английской королевской семьи. Шатры увешаны для тепла шелками и гобеленами, полы устланы дорогими коврами. Вдруг объявили – пора. Вокруг заулыбались, зашумели, казалось, все взволнованы не меньше меня. Сажусь на коня и скачу к нему навстречу. Я полна надежды. Вдруг при этой торжественной встрече я понравлюсь ему, а он понравится мне.

Голые темные зимние ветви высоких деревьев кажутся на фоне неба рисунком на голубом гобелене. Бесконечный парк, сверкающий иней на зелени, бледно-желтое, почти белое солнце. Повсюду за цветными канатами – лондонцы. Улыбаются, машут, желают мне счастья. В первый раз в жизни я не просто Анна, средняя дочь герцога Клевского, не такая красивая, как Сибилла, не такая прелестная, как Амелия, нет, я – Анна, единственная Анна. Народ принял меня в свое сердце. Эти странные, богатые, очаровательные чудачки приветствуют меня, им нужна добрая королева, уважаемая королева, и они верят – я как раз такая.

Да, я не англичанка, как последняя королева Джейн, упокой, Господь, ее душу. Но, приглядевшись к придворным, к знатнейшим семьям Англии, думаю: может, это и к лучшему. Сейчас в чести Сеймуры, их могущество может легко стать чрезмерным. Они повсюду, эти Сеймуры, важные и заносчивые, и вечно подчеркивают: единственный сын короля, наследник трона – из их семьи. На месте короля я бы их остерегалась. Если позволить Сеймурам по праву родства воспитывать юного принца, их влияние при дворе перевесит. Насколько можно судить, король неосторожен в выборе любимчиков. Пусть я вдвое моложе, но мне хорошо известно: благосклонность правителя должна быть взвешенной. Я прожила всю свою жизнь нелюбимой дочерью и сестрой, знаю, как отвратительны капризы власть имущих. Король Англии отличается непредсказуемостью, но, быть может, мне удастся уравновесить силы при дворе, стать достойной мачехой его сыну и удержать придворных льстецов на безопасном расстоянии от ребенка.

Знаю, дочери короля растут в отдалении. Бедняжка Елизавета никогда не знала матери, росла под тенью позора. Постараюсь помочь ей, верну девочку ко двору, буду держать при себе, помирю с отцом. И принцесса Мария одинока – тоже без

матери, лишенная расположения отца. Возможно, мне удастся превозмочь отвращение короля, вернуть ее ко двору как мою родственницу, ей не придется считать меня мачехой, я стану для нее доброй сестрой. Я принесу много добра детям короля. А если Господь благословит нас, благословит меня и у нас будет свой ребенок, я подарю Англии маленького принца, богоданного мальчика, который поможет исцелить раны этой страны.

Ропот восторга в толпе – приближается король. Все мои страхи исчезают: он больше не притворяется простолюдином, не прячет величие под личиной грубого старого олуха, сегодня он одет как король, держится в седле как король, его наряд расшит бриллиантами – на плечах бриллиантовый воротник, на голове бархатная шляпа, украшенная жемчугом, а такого прекрасного коня я никогда еще не видела. Он великолепен, он сияет как бог в ярком зимнем свете, а конь, весь обвешанный драгоценными камнями, выделяет курбеты. Вокруг королевская гвардия, поют трубы. Король подъезжает ближе, улыбается, а народ кричит «ура!» нам обоим.

– Приветствую вас в Англии. – Он говорит достаточно медленно, чтобы я успела разобрать, и я старательно отвечаю по-английски.

– Милорд, я очень рада приехать сюда и постараюсь стать вам хорошей женой.

Я буду счастлива. Все получится. Первая неловкая ошибка забудется, останется позади. Мы будем женаты долгие годы, мы будем счастливы всю жизнь. Кто через десять лет вспомнит о такой мелочи?

Подают коляску, я еду через парк в Гринвич. Дворец стоит на самом берегу, барки на реке расцвечены флагами, горожане нарядно одеты, с воды доносится новая песня «Прекрасная Анна», написанная в честь меня. На лодках устроены помосты – там празднуют мой приезд, все улыбаются, машут мне, я тоже улыбаюсь и машу в ответ. Процессия извивается, поворачивая к Гринвичу, и я вновь осознаю, какая страна будет отныне моим домом. Потому что Гринвич вовсе не замок, укрепленный для защиты от возможного врага, это дворец, выстроенный в мирной стране, великолепный, богатый, прекрасный дворец, не хуже, чем замки во Франции. Прекраснее здания я в жизни не видела. Король замечает мой восторг, направляет коня к коляске и, наклонившись, говорит, что это только один из его многочисленных дворцов, мы будем путешествовать по стране и я увижу остальные; он надеется, они все мне понравятся.

Меня отводят в покои королевы – отдохнуть, и на этот раз мне не хочется прятаться в спальне, наоборот, я рада быть среди моих придворных дам, хотя большинству все-таки приходится дожидаться снаружи. Меня переодевают в платье из тафты, накидывают соболиный мех, подаренный королем к Новому году. Он стоит целое состояние, в жизни ничего подобного не носила. Веду своих дам вниз обедать, словно я уже королева. У входа в большую обеденную залу король берет меня за руку, и мы идем вдоль столов. Кавалеры кланяются, дамы приседают в реверансе, мы улыбаемся, киваем, проходим рука об руку, как муж и жена.

Я начала узнавать придворных, без подсказки вспоминаю имена, окружающие больше не сливаются в одну безликую враждебную массу. Вижу – лорд Саутгемптон выглядит усталым и встревоженным, нелегко было доставить меня сюда. Странная, вымученная улыбка, холодное приветствие. Отворачивается от короля – уж не затеваются ли какие-нибудь неприятности? Вспоминаю свое решение стать доброй королевой. Возможно, я пойму, что тревожит лорда Саутгемптона, и смогу ему помочь.

Мне кланяется первый советник короля, Томас Кромвель. Я узнаю его по описанию матери, этот человек больше всех стремился к союзу с нами и другими германскими герцогами. Я ожидала от него более теплого приветствия, ведь мой брак – его победа, но он держит себя скромно, и король, бросив ему лишь пару слов, ведет меня дальше.

С нами обедает архиепископ Кранмер, я вижу и лорда Лиля с женой. Он тоже кажется измученным и настороженным. Вспоминаю: в Кале он страшился разногласий в государстве, и ласково ему улыбаюсь. Понимаю: в этой стране мне найдется дело. Спасти хотя бы одного еретика от костра – задача, достойная доброй королевы, я уверена, что мое влияние приведет страну к миру.

У меня есть друзья в Англии! Гляжу на придворных дам – среди них Джейн Болейн, добрейшая леди Браун, королевская племянница леди Маргарет Дуглас, малышка Екатерина Говард. Чудесное ощущение – это действительно мой новый дом, король на самом деле мой муж, его друзья, его дети станут моей семьей, здесь я буду счастлива.

Екатерина

Гринвичский дворец, 3 января 1540 года

Мечты сбываются – после обеда начинаются танцы. Прекраснейшая зала, а кавалеры какие! Новое платье – такое мне даже во сне не снилось, а на самом видном месте, не заметить невозможно, приколата золотая брошь – подарок самого короля Англии. То и дело прикасаюсь к ней, словно пальцем показываю, только что вслух не кричу: «Ну, что вы на это скажете? Неплохо для первого дня?» Король на троне – величествен, но глядит по-отечески, королева Анна довольно мила (если забыть про ужасное платье). Роскошные собольи меха можно с тем же успехом швырнуть в Темзу, незачем их пришивать к этому ужасному балахону из тафты. Я так расстроилась, представив себе, как мех летит в воду, что чуть не испортила себе все удовольствие.

Оглядываюсь – не с какими-то нескромными целями, а просто так, от нечего делать, и замечаю симпатичного молодого человека, потом второго, третьего, да их не меньше десятка, один другого краше. Кое-то сидит за столом для пажей, но все до одного хорошего рода, и сами по себе богатые, и в чести у знатных лордов. Дирэм, мой бедный Дирэм перед ними – пустое место, а Генри Мэнокс не более чем слуга. Вот это поклонники! А от одного просто глаз не отвести.

Перехватываю один взгляд, потом другой. Какой восторг – на меня смотрят, обо мне мечтают, повторяют мое имя, скоро последуют записочки, снова наступят счастливые времена любовных приключений. Юноша осведомится, как меня зовут, напишет письмо, я соглашусь встретиться, потом – обмен взглядами и глупыми клятвами во время танцев, спортивных соревнований, за обедом. Поцелуй, потом другой, медленное, сладостное обольщение. Скоро узнаю, каковы на вкус поцелуи нового кавалера, хороши ли его прикосновения, и вновь потеряю голову от любви.

Обед великолепен, но я едва дотрагиваюсь до еды – при дворе за тобой все время кто-нибудь наблюдает, не хочется прослыть обжорой. Не свожу глаз с короля. В богатом наряде, в расшитом золотом воротнике он словно сошел с одной из старых картин в алтаре – той, на которой изображен сам Господь Бог. Величественный, широкоплечий, весь в золоте и драгоценных камнях, сияет, как груда сокровищ. Огромное кресло под балдахином из затканной золотом парчи, слуги, подавая очередное блюдо, преклоняют колени. Даже золотой сосуд для омовения рук ему подносят коленопреклоненно, так же подают полотенце. Слуги не смеют глаз на него поднять – он так необыкновенно велик,

что никто не решается взглянуть ему в лицо.

Король перехватывает мой взгляд. Я совершенно теряюсь – отвести глаза, сделать реверанс? От смущения улыбаюсь, гляжу в сторону, потом снова на него. Все еще смотрит? Смотрит, оказывается. Тут до меня доходит – я кокетничаю с королем. Густо краснею и как дура утыкаюсь в тарелку. Попозже осмеливаюсь взглянуть украдкой, но он уже забыл обо мне.

Зато за мной наблюдает дядюшка Говард. Пристальный взгляд черных глаз, не разберешь, сердится или нет. Может, надо было все-таки сделать реверанс? Но герцог кивает мне одобрительно и заговаривает с соседом справа.

Просто удивительно, до чего стар этот двор, да и сам король – настоящий старец. Почему-то я всегда думала – придворные все молоды, прекрасны и веселы, а тут сплошная древность. Не могут они быть друзьями короля, хотя и ему уже под пятьдесят. Его лучший друг, Карл Брендон, само обаяние и очарование, как мне рассказывали, совершенно выжил из ума, и немудрено, в пятьдесят-то лет. Герцогиня-бабушка всегда говорила о короле, словно он юный принц, ведь она помнит его с детства. Вот почему у меня все перепуталось. Она забыла, как много лет с тех пор прошло. Видно, бабушка считает – они и сейчас молоды. Когда она упоминает королеву, то всегда имеет в виду королеву Екатерину Арагонскую, а не королеву Джейн, даже не леди Анну Болейн. Она просто позабыла всех королев, кроме Екатерины, так ее испугало падение племянницы Анны Болейн. О ней бабушка даже не упоминает, разве что страшит непослушных девчонок вроде меня.

Только раньше было по-другому. Когда я впервые появилась в Хоршеме, бабушка то и дело повторяла: «Моя племянница королева». В каждом письме в Лондон – просьба о покровительстве или о деньгах. То нужно место для слуги, то пожертвования на монастырь, то надо заменить священника, то приструнить монахинь. Когда у Анны родилась дочь, пошли бесконечные «наша милая крошка принцесса Елизавета» и надежды на следующего ребенка – мальчика. Мне было твердо обещано место при дворе кузины, я – родня королеве, кто знает, какого мужа я достойна? Другую нашу кузину, Марию Говард, выдали за Фицроя, побочного сына короля Генриха, а двоюродного брата прочили принцессе Марии. Мы так породнились с Тюдорами, что сами почти стали особами королевской крови. Но мало-помалу все изменилось. Зима подкрадывается незаметно, первых заморозков не замечаешь. Вот и разговоров о королеве становилось все меньше, и почти не осталось надежд на придворную

жизнь. Однажды бабушка созвала нас всех в большую залу и неожиданно объявила: Анна Болейн (так и сказала, не назвала ее ни королевой, ни даже племянницей) опозорила себя и всю семью, изменила королю, так что отныне мы не станем упоминать ни ее саму, ни ее брата.

Конечно, нам ужасно хотелось узнать, что же случилось, но пришлось дожидаться сплетен служанок. Слухи из Лондона постепенно доползли и до нас, тогда я и услышала, что именно совершила королева Анна. Голос горничной до сих пор звучит у меня в ушах. Леди Анну обвинили в ужасных преступлениях: супружеской измене – она якобы спала с множеством мужчин, включая родного брата, колдовстве, государственной измене, в том, что навела чары на короля. Но в памяти маленькой напуганной девочки застряло одно – обвинителем королевы стал ее дядя, мой дядя Норфолк. Он председательствовал в суде, сам объявил смертный приговор, его сын, мой милый кузен, отправился в Тауэр, нарядный, веселый, – смотреть, как казнят его собственную двоюродную сестру.

Когда-то я считала, что зловещий дядюшка способен на союз с самим дьяволом, но теперь смеюсь над детскими страхами. Я стала его любимицей, не зря он велел Джейн Болейн – леди Рочфорд – особо позаботиться обо мне, дал денег на новое платье. Ясное дело, я ему нравлюсь, он любит меня больше всех остальных племянниц, надеется, что при дворе я сделаю удачную партию, подружусь с королевой, очарую короля – словом, послужу на пользу всей семье. Нет, он вовсе не жесток, не бессердечен – для меня он самый добрый дядюшка.

А после обеда королевские шуты устроили смешное представление, потом было пение – невыносимо скучное. Знаю, король – великий музыкант, так что почти каждый вечер придется выслушивать какую-нибудь из его песен. Сплошные тра-ля-ля, и больше ничего, но все слушали с огромным вниманием и громко хлопали, когда песня кончилась. Леди Анне, похоже, понравилось не больше, чем мне, но она совершила ошибку – рассеянно поглядывала вокруг, словно мечтая оказаться где-то в другом месте. Король взглянул на нее и отвернулся – рассердился, что невнимательно слушает. Я предусмотрительно сжала руки под подбородком, полузакрыла глаза, словно вне себя от счастья. Вот удача: король посмотрел в мою сторону и, наверное, подумал, что его музыка приводит меня в восторг. Он широко, одобрительно улыбнулся, а я опустила глаза, не смея долго смотреть на короля.

– Молодец, девочка, – шепнула леди Рочфорд, и я торжествующе улыбнулась.

Люблю, люблю, люблю придворную жизнь! Она сводит меня с ума!

Джейн Болейн

Гринвичский дворец, 3 января 1540 года

– Милорд герцог. – Я присела в низком реверансе.

Мы в Гринвичском дворце, в апартаментах, отведенных семейству Говард, анфиладе красиво убранных комнат, по размеру не меньше собственных покоев королевы. Давным-давно я жила здесь с Джорджем, мы тогда только-только поженились. Хорошо помню вид на реку, пробивающийся в окна рассвет. Я просыпалась рано, переполненная любовью, и слушала далекие крики лебедей, пролетающих высоко над рекой, неумолчный шум широких крыльев.

– А, это вы, леди Рочфорд. – Морщинистое лицо милорда герцога просто излучает приветливость. – Вы-то мне и нужны.

Я молчу выжидающе.

– Подружились уже с леди Анной, в хороших с ней отношениях?

– Настолько, насколько возможно, – звучит мой осторожный ответ. – Она совсем плохо говорит по-английски, но я стараюсь с ней все время разговаривать, и ей, похоже, это по нраву.

– Доверится она вам, если что?

– Она, верно, сначала поговорит со своими компаньонками из Клеве. Иногда леди Анна задает мне вопросы про Англию. Думаю, она мне доверяет.

Он в раздумье повернулся к окну, постучал кончиком ногтя по желтоватым зубам. Лицо нездорового, землистого цвета, лоб наморщен.

– Возникли кое-какие сложности, – медленно начал он.

Я молча выжидаю.

– Как вы знаете, они умудрились прислать ее сюда без надлежащих документов. Она еще ребенком была помолвлена с Франциском Лотарингским. Королю надлежит убедиться, что помолвка должным образом расторгнута, а иначе он не может на ней жениться.

– Она не может выйти замуж? – притворно изумляюсь я. – И это после того, как брачный договор подписан, а она проехала столько миль? Король же признал ее невестой, и власти Лондона приветствовали как новую королеву.

– Все может случиться, – уклончиво отвечает он.

Конечно, подобный поворот событий нелегко себе даже представить, но кто я такая, чтобы возражать герцогу?

– А кто говорит, что она не может выйти замуж?

– Король опасается, что дело обстоит именно так. Не хочет брать грех на душу.

Молчу, не в силах понять, что же все-таки происходит. И это тот самый король, который сначала женился на жене собственного брата, а потом оставил ее под предлогом того, что их многолетний брак недействителен? И это тот самый король, который послал Анну Болейн на плаху, потому что ему так велел поступить Господь Бог? Такой король не отменит свадьбу только из-за того, что германский посол забыл снабдить невесту еще одним положенным документом. Потом вспомнила, как она его оттолкнула, вспомнила его лицо там, в Рочестере.

– Значит, так оно и есть, она ему не понравилась. Не может простить Рочестер. Теперь придумывает, как бы избавиться от этого брака. Опять утверждает – был предварительный сговор и другая помолвка. – Один взгляд на герцога убеждает меня в том, что я права. Право, смешно, новый поворот в комедии о короле Генрихе. – Она ему не понравилась, и он собирается отослать ее домой.

– Если леди Анна согласится с тем, что предварительный сговор и помолвка существовали, она сможет отправиться домой с полным почетом, а король снова будет свободен, – тихо и вкрадчиво произносит герцог.

– Но он ей понравился. Более или менее. Не может же она просто возвратиться домой! Вернуться в Клеве негодным товаром, вместо того чтобы стать королевой Англии! Она никогда на такое не пойдет. Да кто потом на ней женится, если король от нее откажется? Ее жизнь будет кончена.

– Тогда пусть убедит всех – предварительного сговора не было.

– А он был?

– Скорее всего, нет, – пожимает плечами дядюшка.

Что на это ответишь?

– А как можно освободиться от того, чего и в помине не было?

Отвечает усмешкой:

– Пусть этим немцы занимаются. А ее можно отослать домой и против воли, если будет слишком несговорчивой.

– Даже король не может силой выдворить ее из страны.

– Зато ее можно поймать в ловушку – пусть сама признается в этой давнишней помолвке. – Голос герцога шелестит еле слышно, словно шелк. – Что, если она сама скажет, что ей нельзя выйти замуж?

Я киваю, нетрудно догадаться, какой от меня хотят услуги.

– Король будет бесконечно признателен тому, кто ему сообщит – она сама во всем призналась. Женщина, которая добьется такого признания, заслужит от короля самых высоких почестей. И от меня, конечно.

– Всегда к вашим услугам, милорд, – стараюсь немного протянуть с ответом. – Но не могу же я заставить ее солгать. Зная, что к браку нет препятствий, надо быть совсем безумной, чтобы сделать подобное признание! Если я примусь утверждать, что она во всем призналась, она меня без труда опровергнет. – Я говорю, а мне становится все страшнее и страшнее. – Милорд, я надеюсь, ее ни в чем не обвиняют?

– А в чем ее можно обвинить?

– В каком-нибудь преступлении. – Теперь я уже заметно разволновалась.

– Например, в государственной измене?

Мой кивок заменяет звуки, которые не идут из пересохшего горла. Как бы мне хотелось никогда в жизни больше не слышать этих слов! От них прямая дорога в Тауэр и на эшафот. Они уже отобрали у меня любимого, перевернули всю мою жизнь.

– О какой измене может идти речь? – спрашивает он таким спокойным тоном, словно мы не в том страшном мире, где каждое слово может обернуться государственной изменой.

– Законы так быстро меняются, что даже полная невиновность ныне никого не защищает.

– Сейчас, во всяком случае, леди Анну обвинять не в чем. – Герцог резко качает головой. – Король Франции как раз в данную минуту принимает у себя в Париже императора Священной Римской империи. Пока мы тут разговоры разговариваем, они плетут против нас заговоры. Нет, нам никак нельзя ссориться с Клеве. Нам просто необходим союз с протестантскими властителями, а не то окажемся в полном одиночестве лицом к лицу с Испанией и Францией. А если еще и английские паписты снова поднимут голову, нам конец. Остается ей только самой признаться, что была помолвлена с другим, и отправляться домой подобру-поздорову. Так мы и от нее избавимся, и союз сохраним. А не то придется заманить ее в ловушку и вырвать признание. Коли будет упорствовать и настаивать на браке, Генрих вынужден будет жениться.

– И не важно, нравится ему это или нет?

– Даже если ему ненавистен этот брак, даже если он ненавидит того, кто все это устроил, даже если она сама ему ненавистна.

Я храню молчание.

– Если он женится против воли, то найдет способ от нее избавиться, не сейчас, так потом. – Я просто думаю вслух.

Герцог не отвечает ни да ни нет, но тяжелые веки на мгновение закрывают темные глаза.

– Будущее никто не в силах предвидеть.

– Ей каждый день будет угрожать немалая опасность. – Такое предположение напрашивается само собой. – Если король решит от нее отделаться, он легко убедит себя, что именно в этом и состоит Божья воля.

– Обычно Божья воля именно так и проявляется, – с усмешкой, похожей на волчий оскал, отвечает герцог.

– Он уж найдет преступление, в котором она будет виновна. – Ужасно не хочется произносить вслух слово «измена».

– Если ты о ней так беспокоишься, лучше убеди ее уехать отсюда под добрым поздравом, – звучит тихое напутствие.

Возвращаюсь в покои королевы самым медленным шагом. Как мне поговорить с Анной, как ее предупредить? Будь я ее самой закадычной подругой, присоветовала бы то же самое – Генрих не тот человек, за которого стоит выходить замуж, коли он успел тебя возненавидеть еще до свадьбы. Раз женщина ему не угодила, ей не уцелеть. Кому, скажите, об этом известно больше, чем мне?

Анна

Гринвичский дворец, 3 января 1540 года

Джейн Болейн, моя придворная дама, похоже, встревожена. Я по-английски прошу ее сесть рядом со мной, спрашиваю о здоровье.

Она подзывает переводчицу, усаживает рядом и только тогда говорит, что ее тревожит весьма деликатное обстоятельство.

Наверное, что-то связанное с местом на свадьбе? Тут все вечно озабочены, у кого более высокое положение, кому можно надеть более дорогие драгоценности. Серьезно киваю, спрашиваю, чем могу помочь.

– Напротив, это я хочу вам помочь. – Она обращается к Лотти, та переводит, я киваю. – До меня дошло, что ваши послы забыли привезти договор о расторжении предыдущей помолвки.

– Что?! – Я вскрикиваю, она догадывается о значении немецкого слова, кивает утвердительно.

Джейн Болейн так же мрачна, как я.

– Вас не предупредили?

Качаю головой. Говорю по-английски:

– Нет. Мне ничего не сказали.

– Рада, что нам удалось поговорить раньше, чем вы успеете совершить опрометчивый поступок, – быстро продолжает она.

Жду перевода. Она наклоняется, берет мои руки в свои. Теплое пожатие, решительное выражение лица.

– Когда вас спросят о предыдущей помолвке, отвечайте: она расторгнута, вы видели документ, – настойчиво убеждает Джейн Болейн. – Если спросят, почему ваш брат не прислал бумаги, скажите: вы не знаете, не вы за это отвечаете, – и

это на самом деле так.

У меня дух захватило, пугает сама ее настойчивость. Странно, что брат мог быть так небрежен в деле, касающемся моей свадьбы. Впрочем, из-за постоянных обид, из чистой злобы он мог поставить под угрозу собственные планы.

– Вижу, вы поражены. Дражайшая леди Анна, теперь вы предупреждены, не позволяйте даже заподозрить, что документа не существует, что предыдущая помолвка еще в силе. Вы должны лгать уверенно и убедительно. Вам придется заявить, что вы видели документ, что предыдущая помолвка определенно расторгнута.

– Так и есть, – медленно произношу я и повторяю по-английски, чтобы не было ошибки. – Я видела документ. Это не ложь. Я могу выйти замуж.

– Вы уверены? Девушку могут и не посвятить в такого рода планы. Никто вас не осудит, если вы не совсем уверены. Мне вы можете сказать. Доверьтесь мне, скажите правду.

– Договор был отменен, – повторяю я снова. – Знаю точно – он был отменен. Эту помолвку планировал мой отец, брат был против. Когда отец заболел и умер, к власти пришел брат и с помолвкой было покончено.

– Почему же документа нет?

– Мой брат, – начала я, – мой идиот братец... он всегда отличался беспечностью в том, что касалось моего благополучия. – Лотти поспешно переводит. – Отец скончался так недавно, матушка осталась в глубоком горе, а у брата столько забот. Документ хранится в наших архивах, я сама его видела, должно быть, брат просто забыл послать его. Навалилось так много хлопот.

– Если у вас есть хоть малейшие сомнения, скажите мне, – предупреждает Джейн Болейн. – Я смогу посоветовать, как лучше себя вести. Я пришла к вам, это доказывает мою полную преданность. Если существует даже небольшая вероятность, что документа у вашего брата нет, скажите мне, леди Анна, скажите ради вашей собственной безопасности. Я придумаю, как помочь.

Качаю головой:

– Благодарю за заботу, но в этом нет нужды. Я сама видела документ, его видели и послы. Препятствий не существует. Я могу выйти замуж за короля.

Кажется, она ждет чего-то еще. Наконец кивает.

– Я так рада.

– И я хочу стать женой короля.

– Если вы собираетесь уклониться от этого брака, теперь, когда вы его увидели, у вас появился повод. – Она понижает голос. – Возможность спастись. Если король вам не понравился, можно спокойно вернуться домой, никто против вас и слова не скажет. Я вам помогу. Скажу – вы не уверены, имеете ли право на повторную помолвку.

Вырываю у нее руки.

– Я вовсе не хочу бежать. Это большая честь для меня и для моей страны и огромное счастье для меня.

Джейн Болейн смотрит с подозрением.

– Правда, – уверяю я. – Моя заветная мечта – стать королевой Англии, я уже люблю эту страну и хочу провести здесь всю жизнь.

– В самом деле?

– Да, клянусь честью, – сомневаюсь, но все-таки выкладываю последнюю причину. – Я не была счастлива дома. Со мной плохо обращались и мало считались. Здесь я смогу стать кем-нибудь, смогу принести пользу. Дома я навсегда осталась бы лишь нелюбимой сестрой.

Она кивает, многие женщины знают, каково стоять в стороне от важных мужских дел.

– Здесь у меня будет возможность повзрослеть. Не быть послушной марионеткой в руках брата, не быть просто дочерью своей матери. Я хочу остаться здесь и стать самой собой. – Не ожидала от себя такой глубины чувств. – Хочу стать сама себе хозяйкой.

– Королева тоже не свободна, – помолчав, замечает Джейн Болейн.

– Все равно это лучше, чем нелюбимая сестра мелкого герцога.

– Вот и прекрасно.

– Король сильно разгневался на послов из-за отсутствия бумаг?

– Разумеется. – Она отводит глаза. – Они дадут слово, что вы свободны и имеете право выйти замуж. Уверяю вас, все уладится.

– Неужели свадьбу отложат? – Я сама себе удивляюсь. Знаю, я много сделаю для этой страны, стану доброй королевой. Хочется начать немедленно.

– Нет, – уверяет Джейн Болейн. – Послы и королевский совет сумеют принять решение.

Я медлю.

– Он не хочет жениться на мне?

Она с улыбкой прикасается к моей руке.

– Конечно хочет. Просто маленькое затруднение. Послы гарантируют, что документ будет представлен и все пойдет своим чередом. Вы же совершенно уверены, что документ там?

– Он там. – Я говорю чистую правду. – Могу в этом поклясться.

Екатерина

Гринвичский дворец, 6 января 1540 года

Буду помогать королеве одеваться к свадьбе! Придется встать очень рано, а я люблю поспать, но зато как приятно – выбрали меня, пусть остальные ленивые девчонки нежатся в постели. Стыдно спать, когда другие трудятся ради леди Анны. Право, ни от кого, кроме меня, нет никакого толку.

Пока она моется, достаю из сундука платье, Екатерина Кэри расправляет складки на нижней юбке, Мэри Норрис выкладывает драгоценности. Ну и платье! Огромное, громоздкое, юбка широченная. Лучше умереть, чем венчаться в таком, – даже первая красавица будет похожа на пудинг на ножках. Какой смысл становиться королевой, если приходится ходить в таком шатре? А материя – чудесная, затканная золотом, тяжелая от множества крупных жемчужин. А еще леди Анна наденет диадему. Мария положила ее перед зеркалом, будь я тут одна – непременно бы примерила, но, несмотря на ранний час, в комнате полно камеристок, фрейлин и придворных дам. Пришлось просто отполировать немножко и положить на место. Очень хорошо сделана. Леди Анна привезла диадему с собой из Клеве. Сказала, что эти выступающие штучки изображают розмарин, ее сестра венчалась с живыми цветами розмарина на голове. А я сказала, как в терновом венке. Ее леди-секретарь посмотрела на меня как-то странно и не стала переводить. Оно и к лучшему.

Она будет венчаться с распущенными волосами. Выйдя из ванной, леди Анна садится перед зеркалом, и Екатерина начинает расчесывать ей волосы – движения мерные, неторопливые, словно хвост кобыле чешет. Волосы у нее красивые, золотистые. Раскрасневшаяся после ванны, в купальной простыне, она сегодня выглядит совсем неплохо. Улыбается, кажется довольной. Да на ее месте я бы скакала от счастья. Еще бы – стать королевой Англии! Но она не из тех, что бурно выражают свои чувства.

Она готова. Выстроившись в строгом порядке, идем за ней. Я не очень важная особа, поэтому плетусь в самом конце. Зря старалась – тут меня никто не заметит, даже в новом, отделанном серебряной нитью платье. Такой дорогой вещи у меня в жизни не было. Серо-голубое, как раз под цвет глаз, я никогда не выглядела лучше, но сегодня не моя свадьба, на меня никто не обращает внимания.

Их венчает архиепископ Кранмер. И бу-бу-бу, и бу-бу-бу, бубнит и бубнит. Спрашивает, нет ли причины, по которой они не могут пожениться, известны ли собравшимся какие-нибудь препятствия. Мы хором отвечаем: «Нет». Видно, только я, дура, думаю – а что, если кто-нибудь скажет: «Остановитесь, у короля уже было три жены, и ни одна не дожила до старости». Конечно, никто ничего такого не говорит.

Ей сейчас должно быть очень тревожно, если она вообще хоть что-нибудь соображает. Брак с королем – сомнительное достижение. Понятно, он великий человек, его устами говорит Бог, но у него уже было три жены, и все три умерли. Если вдуматься, не особенно обнадеживающе для невесты. Ей, наверное, это и в голову не приходит. Такое никому, кроме меня, в голову не придет, умные все очень.

Венчание окончено. Они отправляются на мессу в королевскую часовню. Мы остаемся ждать. Делать совершенно нечего, но такова придворная жизнь. Какой-то красавчик по имени, кажется, Джон Бресби пробрался через толпу и оказался прямо позади меня.

– Я ослеплен!

– С чего бы? Едва рассвело.

– Меня ослепляет не солнце, а ваша красота.

– Вот как? – не могу удержаться от улыбки.

– Вы недавно при дворе?

– Да, я Екатерина Говард.

– А я Джон Бресби.

– Знаю.

– Правда? Спрашивали кого-нибудь обо мне?

– Вовсе нет!

Это ложь. Я заметила его в самый первый день и спросила леди Рочфорд, как зовут красавчика.

– Вы хотели узнать мое имя! – Он в восторге.

– Не воображайте о себе слишком много!

– Могу ли я надеяться на танец сегодня вечером?

– Возможно.

– Буду считать, что вы обещали.

Двери открываются, выходят король и леди Анна. Мы приседаем в особенно глубоком реверансе – она теперь замужняя женщина и королева. Выглядит прелестно, но платье со шлейфом пошло бы ей больше.

Анна

Гринвичский дворец, 6 января 1540 года

Свершилось. Я королева Англии. Я замужем. Сажу на возвышении по правую руку от моего мужа-короля, за свадебным столом, улыбаюсь придворным, простым людям на галерее, пусть все видят – я рада и счастлива стать их королевой, я буду хорошей королевой и доброй женой.

Архиепископ Кранмер совершил службу согласно обрядам святой католической церкви Англии, так что мне было немного не по себе. Это вряд ли приблизило страну к реформе, напрасно я давала обещание матери и брату. Мой советник, граф Оверштейн, стоял у меня за спиной, и во время обеда я улучила момент и тихонько заметила: надеюсь, он и другие лорды из Клеве не слишком разочарованы моей неудачей, короля пока не удалось склонить к

протестантизму. Он ответил – при закрытых дверях мне позволено исповедовать мою веру, как я хочу, но король не желает, чтобы его беспокоили богословскими вопросами в день свадьбы. По-видимому, король твердо стоит за церковь, которую сам создал, – католическую, но отрицающую главенство папы. Король одинаково противостоит и реформаторам, и пламенным католикам.

– Неужели он не мог найти обряд, подходящий нам обоим? Брат озабочен поддержкой реформации в Англии.

– Мы не вполне правильно понимали реформу церкви. – Граф плотно сжал губы, чтобы не сказать лишнего.

– Конечно, это благоприятный процесс, – произнесла я с сомнением.

Богатые дома, в которых мы останавливались на пути из Дила, – бывшие монастыри или аббатства, аптекарские огороды перекопаны и засажены цветами, фермы, дававшие пищу бедным, превращены в охотничьи угодья.

– Нам раньше казалось, это угодно Богу. Мы не понимали, сколько будет крови.

– Разрушив гробницу, место молитвы, людей к Богу не приведешь. А что пользы в запрете зажигать свечи в память о близких?

– И земная польза, и духовная. Церковная десятина не изменилась, только теперь она достается королю. Но не наше дело обсуждать, как именно Англии следует молиться.

– Мой брат...

– Вашему брату не повредило бы заняться собственными архивами, – неожиданно раздраженно буркнул граф.

– Что?

– Он должен был передать королю письмо, освобождающее вас от обещания выйти за сына герцога Лотарингского.

– Разве это так уж важно? Король даже не упомянул об этом.

– Мы поклялись, что знаем о существовании этого документа, поклялись, что в течение трех месяцев он будет представлен, а до этого времени предлагаем себя в заложники. Если ваш брат не найдет письмо, один Бог знает, что с нами будет.

Я в ужасе.

– Неужели вам придется отвечать за состояние герцогского архива? И неужели отсутствие этого документа станет препятствием для брака?

Он покачал головой:

– Им прекрасно известно, что вы свободны, можете выйти замуж и брак будет законным. Но в силу только им известных причин им выгодно посеять сомнения, и ошибка вашего брата, допустившего наш отъезд без необходимых документов, дает такую возможность.

Опускаю глаза, но все во мне кипит. Ненависть ко мне вредит собственным интересам брата, интересам страны, даже религии. Из одной только ревности и злобы он подвергает опасности мой брак. Идиот, подлый идиот!

– Он так небрежен, – только и сказала я и сама услышала, как дрожит у меня голос.

– С таким королем нельзя позволить себе быть небрежным, – предупредил граф.

Я кивнула. Я очень хорошо понимаю, что за король сидит рядом. Он не знает немецкого, но нельзя, чтобы он заметил – меня отнюдь не переполняет счастье.

– Уверена, все будет прекрасно, – говорю я с улыбкой. Граф кланяется и отходит на свое место.

Прием окончен, архиепископ встает из-за стола. Советники подготовили меня к этому моменту, и, когда король встает, я тоже уже на ногах. Милорд Кранмер

ведет нас в королевские покои. Мы ждем в дверях, пока он обходит комнату, размахивая кадилом, и кропит кровать освященной водой. Какое нелепое суеверие! Интересно, что сказала бы моя мать, уверена, она бы этого не одобрила. Архиепископ, прикрыв глаза, читает молитву. Граф Оверштейн шепотом переводит: «Он молится за вас обоих – чтобы сон ваш был крепок, чтобы не тревожили вас сны, посланные дьяволом». Уверена, мое лицо выражает только набожность и вежливый интерес. Но это нелегко. Как можно разрушать гробницы, не позволяя народу молиться о чуде, а здесь, во дворце, просить защиты от демонов? Какой во всем этом смысл?

«Он молит оградить вас от бесплодия, а королю даровать мужскую силу, молит не допустить, чтобы Сатана лишил короля мужественности, а вас женственности».

– Аминь, – быстро подхватываю я. Как можно верить в такую чепуху!

Придворные дамы провожают меня в мою собственную спальню – переодеться в ночной наряд.

Когда мы возвращаемся, король и придворные стоят рядом с огромной кроватью, а архиепископ все еще не кончил молитву. Король в ночной рубаше, на плечи накинут плащ, отороченный мехом. Он без чулок, и я замечаю повязку на ноге, там, где у него открытая рана. Благодарение Богу, повязка чистая и свежая, но все равно запах в спальне тошнотворный – смесь ладана и гноя. Кажется, раз мы оба переоделись, молитвы можно заканчивать. Мы защищены и от ночных кошмаров, и от мужского бессилия. Дамы сдергивают плащ у меня с плеч, и я остаюсь перед всем двором в одной сорочке. Это так стыдно, так унижительно, что лучше уж вернуться домой, в Клеве.

Леди Рочфорд приподнимает покрывало, чтобы укрыть меня от любопытных взглядов, я пробираюсь к кровати и сажусь спиной к подушкам. С другой стороны юный Томас Калпепер преклоняет колено, Генрих опирается о его плечо, еще кто-то поддерживает короля под локоть. Влезая на кровать, король Генрих хрипит, как усталая ломовая лошадь, постель проседает под его тяжестью, я неловко изгибаюсь и хватаюсь за край, чтобы не скатиться на его сторону.

Архиепископ воздевает руки над головой и благословляет нас в последний раз. Я смотрю прямо вперед. Екатерина Говард набожно сложила руки, делает вид, что молится, а на самом деле изо всех сил старается не расхохотаться. Лучше на нее не смотреть, как бы мне самой не рассмеяться. Архиепископ завершает молитву, я произношу: «Аминь».

Слава богу, они уходят. За тем, что случится в первую брачную ночь, кажется, наблюдать не будут, но утром непременно кто-нибудь явится взглянуть на простыни. Такова сущность королевского супружества. А еще – выходишь замуж за человека, который тебе в отцы годится, которого совсем не знаешь.

Джейн Болейн

Гринвичский дворец, 6 января 1540 года

Я уходила одной из последних, тихо закрыла за собой дверь – вот и опять я видела все, от начала до конца. Еще одна королевская свадьба – от первых ухаживаний до брачной постели. Некоторые, как эта глупышка Екатерина Говард, полагают, что тут вся история и кончается. Ну, об этом мне кое-что получше других известно. Именно тут история королевы и начинается.

Прежде чем придет эта ночь, нужны бесчисленные переговоры и обещания, надежды, мечты, куда реже – любовь. А после этой ночи наступает настоящая жизнь, в ней двоим приходится как-то уживаться вместе. Некоторым уже ничем не помочь, сколько ни старайся. Мой дядюшка вот женился на женщине, которую на дух не переносит. Живут раздельно, и ничего. Генри Перси взял богатую наследницу, да только так и не смог избавиться от любви к Анне Болейн. Томас Уайетт от всей души ненавидит жену – влюбился в Анну, когда она была еще совсем девчонкой, и с тех пор позабыть не может. Мой собственный муж... Нет, о нем сейчас вспоминать не буду. Как я его любила, просто умирала от любви – что бы он там обо мне ни думал, когда нас впервые уложили в брачную постель. Что бы он там ни думал, когда ему приходилось делить со мной ложе. Боже, прости его – держал в объятиях меня, а мечтал о ней. Боже, прости меня – я все знала и позволила этим мыслям ежечасно меня преследовать. Прости меня, Боже, за безумие мое, за то, что больше всего на свете полюбила лежать в объятиях мужа и представлять его с другой. Похоть и

ревность завладели мной, подарили истинное наслаждение, нечистое, грешное, – он ласкает меня, а я думаю, как он ласкал ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Сокол (нем.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/filippa-gregori/nasledstvo-roda-boleyn>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)